

ДЕРЗКАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ МЕЛОДРАМА

Юлия Шилова

Женщина, которой
смотрят вслеп

ЖЕНЩИНА В КЛЕТКЕ,
или Так продолжаться
не может

НОВИНКА+
СУАВЬИ
В ПИСЬМАХ

Юлия Шилова

**Женщина в клетке, или Так
продолжаться не может**

«Шилова Юлия Витальевна»

Шилова Ю. В.

Женщина в клетке, или Так продолжаться не может /

Ю. В. Шилова — «Шилова Юлия Витальевна»,

Две умницы, красавицы подружки мечтают о нормальном женском счастье. И чтоб жить в достатке, где-нибудь в Майами, и чтоб мужчина был рядом нежный, понимающий и всегда готовый разделить и решить твои проблемы. Но у судьбы свое мнение на сей счет. Она даже последнее может отобрать, чтобы ты раскисла и сломалась. На квартиру Тома напали бандиты, требующие какие-то драгоценности. Исчез любовник-француз. В подругу стреляли. А соседку Валентину закололи на даче. И, казалось бы, нет выхода из сложившейся ситуации... Но только не для настоящих женщин – Тома и Лейсан! В поисках любви можно свернуть горы, особенно если рядом есть настоящие мужчины!..

© Шилова Ю. В.

© Шилова Юлия Витальевна

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	32
ГЛАВА 6	37
ГЛАВА 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юлия Шилова

Женщина в клетке, или Так продолжаться не может

*Ни различие взглядов, ни разнища в возрасте, ни что-либо другое не
может быть причиной разрыва в любви. Ничто – кроме ее отсутствия.
Мария Домбровская, польская писательница*

ОТ АВТОРА

Этот роман мне хочется посвятить всем женщинам замечательного города Казани и выразить свое искреннее восхищение как самим городом, так и красотой этих женщин... Мне посчастливилось побывать в этом сказочно божественном городе, ощутить его красоту и величие, познакомиться с потрясающими людьми и сохранить о них свои самые теплые и светлые воспоминания.

Милая Регина З. и очаровательная Ольга И., олицетворяющие в себе всю женскую красоту и мудрость, спасибо вам за ваши искренние письма, в которых вы поделились со мной своими личностными историями, переживаниями и надеждами. Ваши чувства священны, потому что любые переживания всегда обогащают душу. Я рада, что наше знакомство состоялось в реальной жизни и что нам довелось встретиться на казанской земле.

Мне очень хотелось бы поблагодарить всех, кто организовал мой визит в город Казань, и в частности газету «Комсомольская правда в Татарстане» и компанию «Аист-пресс», лицом которой является замечательная Алена Сидоркевич.

Отдельное спасибо министру культуры Татарстана Валеевой Зиле Рахимьяновне за приятную встречу и интересное общение. Я целиком и полностью разделяю ее мнение о том, что женщины, сумевшие сделать сами себя, достойны восхищения и что счастливые судьбы достойны пера и подражания, но понимаю, что для того, чтобы стать счастливой, нужно пройти через много испытаний и преодолеть много трудностей. В нашей стране женщине просто непозволительно быть слабой, она обязана выжить при любых обстоятельствах и помочь своим близким.

Жизнь – это подарок, и мне искренне хочется, чтобы все мы освободились от всего ненужного, темного и наполнились внутренним светом. Мне хочется, чтобы было как можно меньше драм и трагедий, меньше неудачных браков и тяжелых разводов, меньше разбитых сердец и неразделенной любви. Каждая женщина имеет право на счастье, и если кто-нибудь узнает себя в героинях моих романов, посмотрит на себя со стороны, поймет свои ошибки, научится правильно принимать поражения и будет, несмотря ни на что, жить и любить дальше, значит, мой труд не напрасен и я не зря вкладываю свою душу в мои романы. Я пишу с любовью и болью и пытаюсь затронуть все компоненты, которые и складывают такое понятие, как счастье. Мне хочется, чтобы все мы шли по дороге добра, чтобы мы меньше теряли, чем находили, и чтобы мы жили в гармонии как с окружающим миром, так и с собой.

Хочется также сказать множество самых теплых и искренних слов замечательным детям из казанского приюта «Гаврош». Я часто вспоминаю наше чаепитие, дружеские разговоры про жизнь и ваши стихи собственного сочинения. Дорогие мои, любимые детки, вы всегда останетесь в моем сердце. Я буду ждать от вас весточки и надеяться на то, что у вас сложится все хорошо и этот мир будет для вас всегда самым теплым, чистым и самым веселым. Да хранит вас Бог. Мысленно я всегда с вами.

Спасибо всем, с кем мне довелось встретиться и познакомиться в Казани. Я всегда буду помнить ваши лица, ваши улыбки и ваши глаза. Спасибо за ваше гостеприимство и радушный прием. Отдельная благодарность моему любимому издательству «Эксмо».

С бесконечной любовью. Всегда ваша Юлия Шилова.

ГЛАВА 1

Припарковав машину на вокзале, я посмотрела на себя в зеркало и глубоко вздохнула. Я волновалась. Чтобы хоть как-то скрыть излишнюю бледность, пришлось достать косметичку и воспользоваться ее содержимым. Господи! Одному богу известно, как я волновалась. Страх никак не давал мне возможности побороть это чувство, я была в плену своего страха и не могла ничего с этим поделать. Услышав звонок мобильного телефона, я взяла трубку и дрожащим голосом произнесла банальное:

– Слушаю.

– Томка, а что у тебя с голосом? – подозрительно спросила меня моя верная подруга Лейсан и тут же сама ответила за меня: – Ты так сильно волнуешься, что ли?

– Чего спрашиваешь, если ты и так все знаешь?

– Ну, мать, ты даешь. Ведешь себя, как будто первый раз на свидание идешь.

– Ну не первый... – смутилась я.

– Ну и не последний, – поддержала меня подруга. – Если ты из-за каждого свидания так сильно переживать будешь, то запросто заработаешь себе инфаркт. Я же чувствую, что тебя лихорадит.

– Ой, Лейсан, ты ведь прекрасно знаешь, что это не какое-нибудь простое свидание. Это моя судьба. Сама не знаю, что со мной происходит. Меня всю колотит. Я боюсь.

– Кого?

– Сама знаешь кого.

– Своего француза, что ли?

– Его, будь он неладен.

– А он что у тебя, такой страшный? На фотографии – так просто красавец! Его только на обложку модного журнала снимать. Кстати, а ты что так рано приехала? До поезда еще целых сорок минут.

– Я боялась не успеть.

– Да, нервы у тебя ни к черту. Ты бы что-нибудь успокоительное выпила. Валерьянки, например.

– Я уже целый бутылдлек выпила.

– И что?

– Меня еще больше колотить стало.

– Тома, я не пойму, чего ты боишься?

– Сама не знаю, – честно ответила я и нервно прикусила губу, напрочь позабыв про свою яркую дорогую губную помаду. – Я сегодня всю ночь глаз не сомкнула. До утра еле дотерпела. Мысли все в голове путались. Не знаю, как с ума не сошла. Вот и приехала на вокзал ни свет ни заря.

– Если ты так волнуешься, то нужно было с ним в Москве встречаться, как раньше. Какого черта он в нашу Казань прется?! Приехал бы, как белый человек, на тысячелетие города. Каких-то три несчастных месяца осталось до праздника. Так нет же. Прется именно тогда, когда ему здесь делать нечего. Испокон веков принято: иностранцам все самое лучшее показывать – и не стоит это правило нарушать. Что он, три месяца потерпеть не мог?

– Три месяца не могли дотерпеть ни он, ни я, – произнесла я усталым голосом. – Я бы тоже с удовольствием встретила с ним в Москве, на нейтральной территории, но он сам изъявил желание приехать в Казань именно сейчас.

– Тогда пусть смотрит раскопки, если ему так сильно хочется. Казань сейчас вся изрыта тракторами и бульдозерами. Если ему нравится смотреть на строительную технику, то ради бога.

– Ладно, не утрируй. Помимо раскопок, тут еще есть много чего посмотреть. Я не за это переживаю, хотя и за это тоже.

– А может, вы вообще из гостиничного номера выходить не будете. Я имею в виду из кровати вылезать. Завтрак, обед, ужин прямо в номер. Будете смотреть на Казань из гостиничных окон, – тут же принялась фантазировать Лейсан. – В конце концов, он сюда не на экскурсию приехал, а ты к нему экскурсоводом не нанималась. Думаю, что у вас будут занятия поинтереснее. Кстати, а почему он не на самолете, а на поезде едет? Экзотики захотелось? Решил на наши края через окна поезда посмотреть?

– У него фобия.

– Какая еще фобия?

– Аэрофобия. Он самолетов боится.

– Как же он из своей Франции до Москвы добирался? На перекладных?

– На самолете.

– Ты же говоришь, что он самолетов боится.

– К «Боингам» и «Илам» он нормально относится, а вот наших «тушек» боится. А до Казани одни «тушки» летают.

– Я не пойму, мужик он у тебя или не мужик?! В моем представлении мужик вообще ничего бояться не должен.

– У тебя крайне неправильные представления. Многим мужчинам тоже присущи определенные страхи. Аэрофобия – один из них. Я не вижу в этом ничего дурного. Вот если бы он темноты боялся, я бы к этому отнеслась с подозрением. Мне это было бы неприятно. А наших «тушек» я и сама боюсь и чувствую себя в них крайне некомфортно.

– Не знаю. Я недавно в Москву летала. Мне понравилось. Бизнес-классом летать можно.

– Ты говоришь так, как будто бизнес-класс отдельно от «тушки» летит. – Посмотрев на часы, я ощутила еще большую дрожь и тяжело задышала. – Он на козырном поезде едет. «Татарстан» называется. Там есть супернавороченный вагон. Всего четыре купе. Удобства, как в шикарном «люксе». Так что прокатиться на таком поезде совсем не зазорно. Лейсан, извини. Больше не могу говорить. Нужно еще успеть немного привести себя в порядок.

– Но ты хоть мне позвонишь? Расскажешь, как все пройдет? Я уже сама за тебя начала волноваться. Словно это я встречаюсь с французом, а не ты.

– Расскажу. Не переживай. Я обязательно тебе позвоню. Сейчас его встречу и сразу повезу селить в гостиницу.

– Это правильно, что ты решила поселить его не у себя дома, а в гостинице. Подальше от соседских любопытных глаз. А то потом разговоров не оберешься о том, что к тебе француз приезжал. Он уедет, а на тебя потом полдома смотреть косо будет.

– Ты же сама прекрасно понимаешь, что мне подобные разговоры до одного места. Пусть на меня хоть кто смотрит. Мне все это по барабану. Я никогда не зависела от чужого мнения. Просто моя квартира не может конкурировать с теми пятью звездами, где ему предстоит жить.

– Ладно, Томка, больше не буду тебя доставать. Собирайся с мыслями и приводи свою внешность в порядок. Желаю тебе незабываемого времяпровождения. Ты мне только скажи...

– Что еще?

– Ты его очень сильно любишь?

– Я без него жить не могу, – все так же правдиво ответила я.

– А как же твоя прошлая любовь?

– Я уже и сама не знаю, было ли то чувство любовью. Так, юношеское увлечение.

– Когда-то ты говорила, что это самое юношеское увлечение и является любовью всей твоей жизни. Наверно, это просто была твоя первая любовь, а как правило, первая любовь часто проходит. Не всегда, конечно, но все же проходит. Правда, говорят, что она не забывается.

– Лейсан, мне сейчас тяжело об этом рассуждать. В данный момент для меня никаких мужчин не существует. Я люблю своего француза, и мне совсем не важно, что там у меня было и что там у меня будет. Понимаешь, я очень сильно его люблю! Люблю!!!

– Томка, но ведь он же женат.

– И что?

– Да ничего. Может, ты на него зря свое время и свои чувства тратишь.

– Я ни о чем не жалею и считаю, что уж лучше любить женатого французского мужчину, чем женатого русского.

– И чем же это лучше?

– Тем, что я этого не ощущаю.

– Чего именно?

– Я не ощущаю того, что у него есть семья. Она слишком далеко и для меня скорее какая-то мифическая, чем реальная. Франция слишком далеко. А познакомишься с нашим женатым мужиком – и сразу начнется... Он тебя с первого дня знакомства начнет своими детьми, женой и тещей грузить. Ты будешь знать все их расписание и незримо жить их жизнью. Они будут постоянно присутствовать в твоих мыслях, потому что он будет каждый день о них говорить и думать. А Жан мне только фотографию показал, и все. Она у него в бумажнике. Какая разница, женат он или не женат... Он меня любит, а это самое главное. И вообще...

– Что – вообще?

– Между прочим, женатые мужики иногда разводятся.

– Ты считаешь, что французские мужчины разводятся намного быстрее, чем наши российские?

– Не знаю. Не пробовала. Да и какая разница, какой у тебя мужик? Главное, чтобы он был любимый. Пусть он хоть немецкий, хоть американский. В отношениях самое главное – это любовь.

– Просто обидно.

– Что тебе обидно?

– Обидно то, что многие наши женщины переметнулись на импортных мужчин.

– Значит, нашим мужчинам есть о чем подумать.

– А как же желание поддержать отечественного производителя?

– Если честно, то у меня нет такого желания.

– Получается, наш производитель побоку.

– На данный момент для меня – да. К сожалению, наш отечественный производитель может только производить, но ни в коем случае не помогать выращивать его же потомство.

– Смотря какой производитель, – стояла на своем Лейсан.

– Лейсан, извини, но время неумолимо. Об отечественном производителе в данный момент мне хочется рассуждать меньше всего.

– Тома, ты только держись достойно. Знай, твой француз хоть и хороший мужик, но чужой. И ему не мешает знать, что ты у нас красавица и что на твой век принцев хватит.

– Лейсан, если я не закончу разговор прямо сейчас, то проморгаю поезд. Извини еще раз.

Бросив мобильный на сиденье, я вновь посмотрела на себя в зеркало и, чтобы хоть как-то унять нервную дрожь, подмигнула своему отражению.

– Спокойно, Тома. Спокойно. Ты, как всегда, на высоте. Тебе нечего бояться. Ты хорошо выглядишь, – успокаивала я себя и нервно красила губы. – Это пусть он боится и делает все возможное, чтобы не упасть лицом в грязь. А я всего лишь женщина, и это значит, что я не обязана отвечать за свои действия и поступки. Я могу делать все, что хочу, и мне незачем перед кем-то оправдываться за все, что я делаю.

До прихода поезда оставалось ровно двадцать минут. Положив голову на руль, я закрыла глаза, постаралась успокоиться и вспомнила, как началось это умопомрачение, именуемое

любовью. А началось оно ровно год назад и продолжается по сей день, раздувая огонь страсти все больше и больше. Год назад я прилетела в Тунис на лечение талассотерапией и встретила там ЕГО, своего француза, который прилетел, чтобы поправить свое здоровье и погреть косточки под местным солнышком. Мы увидели друг друга за ужином и сели за один столик. Жан заказал бутылку вина и с самого первого момента нашего знакомства вызвал мое неподдельное восхищение своим великолепным владением русским языком и отменным чувством юмора. Этот вечер мы провели вместе. Поехали в порт, гуляли, державшись за руки, и любовались красивыми яхтами, а затем зашли в небольшое кафе и стали петь караоке. Жан пел на французском языке лирические песни и смотрел на меня глазами, полными обожания. А я... Я просто тонула в его глазах и... чувствовала, что не хочу, чтобы эта ночь когда-нибудь заканчивалась. Когда мы вновь вернулись в отель, у нас не стоял вопрос о том, что нам нужно расстаться. Жан проводил меня до дверей моего номера и зашел внутрь. А дальше были горячие объятия, упоительные поцелуи и чересчур жаркая ночь.

Господи, если бы кто-то раньше сказал мне о том, что я отдамся первому встречному французу в первую ночь после знакомства, я бы никогда не поверила, что со мной может произойти подобное, и давила бы на то, что я слишком хорошо воспитана. Но жизнь иногда преподносит и такие сюрпризы. Перебирая в памяти все эпизоды моей курортной жизни, я часто задаю себе один и тот же вопрос: что же тогда произошло и куда подевалось мое хорошее воспитание? Что это было? Но тут же приходит ответ, и я, наконец, понимаю, что это было безумие!

Это были десять безумных и упоительных дней и ночей. Утром мы проходили курс лечения, затем обедали, спускались к морю, лежали на пляже, купались, рассказывали друг другу о себе, затем гуляли по городу, ужинали в ресторане и до беспамятства занимались любовью. Когда я была рядом с Жаном, я ничего не видела и не слышала и даже не замечала все то, что происходило вокруг меня. Когда Жан брал мою руку в свою, мое сердце трепетало, я хотела что-то сказать, но поцелуй француза тут же заглушал мои слова. К прикосновениям почти незнакомого мне человека тянулись все мои помыслы и желания. В его объятиях я теряла всю свою волю и весь свой рассудок. Я слепо верила в то, что наш курортный роман не закончится никогда и нас свяжет опьяняющая нить любви, которая не даст нам расстаться после Туниса и позволит встречаться снова и снова.

Я часто вспоминаю наш последний вечер, который мы провели в баре отеля. Жан пил свой коктейль и смотрел на веселящихся на сцене людей грустным взглядом. А мне... Мне не было никакого дела до других отдыхающих. Я смотрела на своего француза открыв рот, запоминая каждую черточку на его лице, каждый жест и каждый брошенный на меня взгляд. Одним словом, я хотела выпить его до дна. Я не хотела думать о будущем и не преследовала корыстных целей. Я не хотела думать о том, что Жан женат, что в далекой Франции его ждет семья, что у него есть родные и близкие люди. Я хотела увидеть его еще раз – и не важно где, в Тунисе, во Франции или в России.

Я чувствовала жуткую эмоциональную зависимость от человека, который стал мне чересчур дорог, и я мечтала, чтобы Жан чувствовал точно такую же эмоциональную зависимость, которая была бы у него не на один день, а на всю оставшуюся жизнь. Вернувшись домой, я попыталась жить прежней жизнью, но не переставала ждать от Жана телефонного звонка. И он позвонил! Господи, я хорошо помню тот день, когда он наконец позвонил. Я мыла полы. Зазвонил телефон. Вытерев руки полотенцем, я быстро сняла телефонную трубку и, услышав уже родной голос Жана, подскользнулась, пролила тазик с водой, растянулась на полу и взвыла от боли. Жан не на шутку перепугался и стал спрашивать, что у меня случилось, но я улыбалась сквозь слезы, вытирала разбитое колено и, не обращая внимания на острую боль, говорила ему о том, что у меня все хорошо и что я счастлива от того, что он позвонил. Несколько раз мы встречались в Москве. Один раз я летала в Париж и провела удивительную неделю, упиваясь

красотой Парижа и любимым мужчиной, который подарил мне эту сказку, оплатил тур и смотрел на меня так, как смотрят на божеств. Он всегда говорил «Моя Тома», а я кивала головой, соглашаясь: «Конечно, твоя, а больше мне никто и не нужен».

Париж сразил меня наповал и покориł своим величием и красотой. Мы катались на кораблике по Сене, смотрели собор Парижской Богоматери, ходили в Латинский квартал, гуляли в Люксембургском саду, посетили Гранд-опера и гуляли по кварталу Пале-Рояль с его знаменитыми и потрясающими театрами. Париж сблизил нас с Жаном еще больше и сделал еще роднее.

Я никогда не спрашивала его о будущем и не хотела думать о том, что у нас нет будущего. Я жила этими встречами, этими приездами и ловила себя на мысли о том, что для того, чтобы быть счастливой, необязательно жить с любимым мужчиной, а важно знать, что он есть и что ему сейчас хорошо. В Тунисе я не только прошла потрясающую реабилитацию и поборолa синдром хронической усталости, я излечила свою душу и, к своему удивлению, обнаружила то, что она еще может быть открыта для внезапной любви.

Я как могла берегла наши с Жаном отношения и принимала его таким, какой он есть, даже не надеясь его изменить, потому что знала, что единственный человек, которого я могла изменить, была я сама. И вот теперь новая встреча. Жан позвонил и сказал, что хочет приехать ко мне в Казань. Признаться честно, я растерялась и предложила ему приехать на тысячелетие нашего города, но он сказал, что может не дотерпеть и что на тысячелетие будет слишком много людей. А Жан не любит быть в толпе. Он из тех, кто любит находиться над нею. Я не смогла ему возразить и стала жить его предстоящим приездом.

До прихода поезда осталось всего лишь пять минут, я ощутила, как кровь прилила к моим щекам, и, сунув мобильный в сумочку, вышла из машины. Встав на перроне, я стала прислушиваться к отчетливым ударам своего сердца и ждать того момента, когда я смогу попасть в жаркие объятия своего любимого человека. Поезд «Татарстан» прибыл строго по расписанию. Встав у нужного вагона, я в сотый раз поправила свою прическу и, увидев выходящего из поезда Жана с причудливым букетом цветов, чуть было не потеряла сознание.

– Господи, Жан...

– Тома! Тома! Моя Тома!

Его губы коснулись моих, я ощутила, как перед глазами все поплыло, и тяжело задышала.

– Жан, как ты доехал?

– Очень хорошо! У меня было отличное купе с собственным туалетом, душем, свежей постелью, плазменным телевизором и целой кучей видеокассет.

– Ты всю ночь смотрел телевизор?

– Всю ночь. Я не спал.

– Почему?

– Волновался и ждал нашей встречи. Как я мог уснуть, зная, что скоро тебя увижу?!

– Знаешь, а я тоже не сомкнула глаз.

– Почему? Я хотел увидеть тебя хорошо выспавшейся и отдохнувшей.

– Не получилось. Видишь, под глазами черные круги. Как я могла спать, если я знаю, что ты должен приехать? Я думала, что мы выпьемся вместе. Я люблю тебя, Жан. Если бы ты только знал, как сильно я тебя люблю!

Видимо, мои слова очень тронули Жана. Он тяжело задышал и вновь притянул меня к себе.

– Моя Тома, ты послана мне самой судьбой. Увидев тебя еще там, в Тунисе, я понял, что не могу сопротивляться року, потому что ты несешь в себе какую-то тайну. Ты поразила меня своим колдовским взглядом, и я не мог не сесть с тобой за один столик в далеком Тунисе.

– Жан... – только и смогла сказать я и уткнулась в лацканы его пиджака.

ГЛАВА 2

Сев в машину, я посмотрела на пристегнувшегося ремнем Жана и улыбнулась.

– Жан, ты знаешь, а у нас уж давно никто не пристегивается.

– Почему? – искренне удивился Жан.

– Не принято как-то. Гаишникам это по барабану. Но если хочешь, то езжай пристегнутым. Не бойся, я тебя не разобью. Я очень аккуратно вожу машину.

– Тома, может быть, ты и хорошо водишь машину, но ты же не можешь отвечать за других водителей. Не обижайся, но я поеду пристегнутым.

– Конечно, – улыбнулась я своему французу милой улыбкой и, наклонившись, одарила его страстным поцелуем. – Да и как я могу на тебя обижаться. Ты знаешь, если бы я была французкой и приехала в Россию, то, возможно, тоже не смогла бы сесть в машину непристегнутой. Увы, но действительность такова, что российские дороги оставляют желать лучшего, а наши горе-водители побили все рекорды по количеству аварий на дорогах.

– Я рад, что ты так хорошо меня понимаешь. – Жан взял меня за руку и, поднеся ее к губам, страстно поцеловал. – У тебя хорошие духи.

– Конечно, хорошие, потому что они французские. – Я улыбнулась и завела мотор.

Я старалась не показывать внутреннюю дрожь и с каждой минутой все больше и больше ощущала, как сильно колотило меня изнутри. Подсознательно я чувствовала, что визит Жана должен что-то поменять в наших отношениях, только я не могла понять, что именно. Мне казалось, что с его приездом со мной должно произойти что-то важное, знаменательное и незабываемое. Хотя каждый приезд Жана и так был незабываем. Я могла рассказывать о наших встречах с подробностью по минутам, смаковать в голове все яркие события и факты и возвращаться к своим воспоминаниям снова и снова.

Как только мы отъехали от вокзала, Жан стал смотреть в окно и озвучивать свои мысли.

– Тысяча лет. Целая тысяча лет... Это же такое событие. Даже не верится. Не двести, не триста, а именно тысяча лет. Это же так много.

– Вот если бы ты приехал на тысячелетие города, то наверняка запомнил бы это знаменательное событие на всю жизнь. Конечно, Казань – это не твой родной Париж, но у нас тоже есть много чего осмотреть, – с патриотизмом произнесла я.

– Я вижу, – насмешливо согласился со мной Жан и просто припал к окну. – Тома, а почему ты не сказала мне о том, что у вас была бомбежка? – В голосе моего возлюбленного послышались испуганные и даже истеричные нотки. – Почему ты не предупредила меня о военных действиях?

– Ты о чем?

– О том, что я не знал, что в твоём городе полнейшая разруха. Тома, как ты здесь живешь?! Тома, как ты могла молчать?! – На лице Жана появился настоящий испуг.

Я посмотрела в окно и громко рассмеялась. Мой смех был настолько громким и раскатистым, что на моих глазах появились слезы.

– Не вижу ничего смешного, – еще больше занервничал мой француз и посмотрел в окно глазами, полными ужаса.

– Жан, сейчас мы проезжаем по улице Чернышевского, – давась от смеха, говорила я. – Это далеко не единственная улица, которая так сильно тебя напугает. Это не бомбежка. Это просто тысячелетие Казани.

– Не понимаю... никакой связи.

– Ну как бы тебе объяснить... Ты просто приехал не вовремя. Сейчас все это безобразие снесут, и ты увидишь чистые, красивые, сверкающие чистотой улицы, а может быть, даже и новые здания.

– Ты хочешь сказать, что никаких военных действий тут нет и что у вас сносят не просто дома, а целые улицы?

– Что-то типа того. Уверяю тебя, у нас очень спокойно. И дай бог, чтобы все жили в таком мире и согласии, как живут люди нашего города. Просто на тысячелетие города приедет слишком много гостей, и они не должны видеть ни дома под снос, ни грязь, ни ветхие здания. Поэтому заранее хочу сказать тебе, чтобы ты не пугался. Тут кругом разруха и раскопки, но все это только для пользы дела. К празднику наш город будет лучше, чем на картинке.

– А почему все это нельзя было сделать раньше? Почему что-то начинают делать только к тысячелетию?

– Потому, что ты приехал в самую удивительную страну мира, в которой свои порядки и свои законы. У нас к праздникам знаешь как города преображаются!

– В Париже такого нет.

– Ты не в Париже, а в России. Поэтому для того, чтобы чувствовать себя в ней комфортно, учись, пожалуйста, ничему не удивляться. У нас сносят не только дома, но и целые кварталы. Наша страна полна сюрпризов.

– Это я понял, – кивнул Жан и после того, как мы проехали злосчастную улицу с несколькими домами под снос, немного расслабился.

Я вновь вспомнила то время, которое провела вместе с Жаном в Париже. Он снял восхитительный номер в отеле, а главная изюминка этого номера состояла в том, что в нем был настоящий камин. Вечерами мы как замороженные смотрели на пламя и наслаждались теплотой, которая исходила от камина. Это были самые романтические вечера в моей жизни, в которых присутствовало яркое пламя и ароматный лесной запах от трескавшихся в камине дров.

Остановившись у гостиницы «Мираж», я одарила Жана широкой улыбкой и смущенно пожала плечами.

– Тут, конечно, камина в номере нет, но все довольно прилично. Надеюсь, тебе все понравится.

– Мне все понравится, если ты будешь рядом. – Жан взял меня за руку и трогательно заглянул в глаза.

– Ты это серьезно?

– Серьезнее не бывает.

– Тогда почему тебе не понравилась наша улица Чернышевского? – Я задала вопрос и, не ожидая сама от себя, принялась давиться от смеха. – Я же была рядом, когда мы ее проезжали.

– Я обожаю твою улицу Чернышевского. Она потрясла меня своей красотой, размахом и оригинальностью зданий. – Жан не мог скрыть своей улыбки. – Это самая красивая улица, которую я когда-либо видел. Поверь, в Париже нет улиц, которые бы смогли сравниться с улицей Чернышевского в Казани.

– Издеваешься?! Ну что ж, издевайся, – мы вышли из машины и направились в гостиницу. – Вот приедешь в Казань еще раз, и издеваться тебе уже будет не над чем.

Жан покатил свой чемодан на колесах и обнял меня свободной рукой.

– Тома, ты на меня обиделась?

– Я на французов не обижаюсь, – совершенно спокойно ответила я и зашла внутрь отеля.

Поселив Жана в один из самых приличных номеров, я спустилась вместе с ним в ресторан. Мы сидели друг напротив друга, пили ароматный кофе, ели яичницу с грибами и бросали друг на друга томные взгляды. Жан улыбнулся и задумчиво посмотрел в окно.

– Красиво. На вашу мечеть можно смотреть часами.

– Это мечеть Кул-Шариф. Отсюда открывается действительно завораживающий вид.

– Я надеюсь сегодня там погулять. Хочется хоть немного прикоснуться к истории твоего родного города и посмотреть на Кремль.

– Там сейчас все перекопано, но если тебе так сильно хочется, то, может, у нас что-нибудь и выйдет. Если уж там совсем все будет крайне неприлично, то заедем в магазин и купим резиновые сапоги.

– С сапогами ты здорово придумала, – лукаво подмигнул мой любимый француз и тут же заметил: —Только перед тем, как пойти бродить по раскопкам, мне бы хотелось остаться с тобой один на один в номере. Ты, надеюсь, не против?

– Еще бы, – задыхаясь от возбуждения, произнесла я. – Я думала, что это произойдет сразу, но ты так спокойно собрался на завтрак.

– Просто я не хотел, чтобы мы остались без завтрака. Я не люблю чувство голода.

– Я так и подумала. Французские мужчины всегда отличаются рациональным подходом буквально ко всему и даже к любви.

– Мне кажется, что рационализм еще никому не мешал.

– Наверно, ты прав. У тебя есть чему поучиться.

Когда мы вернулись в номер, я утонула в объятиях Жана, почувствовав себя нереально счастливой. Мы занимались любовью, а я... Я боялась открыть глаза... Я боялась, что это может когда-нибудь закончиться. Господи, как же я боялась. Я прислушивалась к каждому вздоху и к каждому стону. Жан всегда был щедрым на ласки, любовные игры и на подарки. Он всегда экономил только на одном, на словах, и редко говорил мне то, в чем я так нуждалась.

– Жан, я умру без тебя, – почти задыхаясь, произнесла я после того, как наша близость достигла кульминационного момента. – Ты понимаешь, что я больше так не могу?! Я не знаю, понравится ли тебе то, что я сейчас скажу, но мне становится мало наших с тобой встреч. Иногда мне кажется, что я скорее потеряю рассудок, чем дождусь того момента, когда мы с тобой сможем увидеться. Я хочу быть с тобой постоянно, и совершенно не важно где, в Париже, Москве или Казани. Я хочу просыпаться с тобой по утрам и будить тебя своими жадными поцелуями. Я хочу постоянно чувствовать твой запах, ощущать твое сердцебиение и находиться с тобой на одной волне.

Неожиданно для самой себя я всхлипнула и ощутила, как по моим щекам потекли слезы.

– Я и сама не знаю, что со мной происходит. Я никогда раньше не испытывала ничего подобного. Знаешь, когда-то я очень сильно любила одного человека. Мы учились на одном курсе института. Это была моя первая любовь. Понимаешь, еще совсем недавно мы было очень больно об этом вспоминать и уж тем более рассуждать вслух на эту тему, а теперь... Странно, но теперь я могу говорить об этом совершенно спокойно и даже не чувствовать хоть какой-либо боли. Теперь я чувствую боль, когда говорю о тебе. Я понимаю, что все, что я чувствовала тогда, не имеет никакого отношения к тому, что я чувствую сейчас. А ведь тогда я чуть было не умерла.

– Почему ты рассталась со своей первой любовью?

– Он ушел к другой, – каким-то обреченным голосом ответила я.

– Почему?

– Не знаю. Жан, может быть, ты объяснишь мне, почему мужчины уходят? Почему рвутся прочные и надежные отношения? И ведь ничего не предвещало беды. Просто какая-то мелочь и какая-то пустяковая ссора, которая немного затянулась. А затем он пришел и сказал мне, что полюбил другую. Они до сих пор вместе. Не знаю, как я тогда все это пережила и не сошла с ума. Казалось, что мир рухнул и даже что наступил конец света. Но прошло время, и боль отошла на второй план. Я стала смотреть на эти отношения уже более спокойно и ровно, без лишних истерик, слез и болезненных вздохов. Все прошло, осталось в прошлом. Потом я познакомилась с тобой и вообще стала вспоминать об этих отношениях с улыбкой. А сейчас я отчетливо понимаю, что те отношения были не настолько сильные, сейчас все намного серьезнее. Жан, я знаю, что ты женат, что в Париже у тебя семья и что скорее всего ничего

уже изменить нельзя. Мы с тобой слишком поздно встретились. Я не могу и не имею права претендовать на твою свободу, но без тебя я пропаду.

Я подняла голову и посмотрела на Жана глазами, полными слез:

– Я никогда не говорила с тобой об этом, и возможно, что своим разговором я сделала сама себе только хуже, но я больше не могу молчать. Даже если после всего, что я тебе сказала, ты не захочешь меня видеть, я все равно больше не могу молчать. Я хочу, чтобы у тебя никогда не было другой женщины, кроме меня, чтобы ты был только со мной, чтобы ты никогда в жизни меня не бросил, никогда и никуда от меня не ушел. Я знаю, что тебе всегда нравилось то, что я никогда не говорила с тобой о нашем будущем и уж тем более на него не претендовала, но, увы, тебе придется во мне разочароваться, потому что я такая же, как и другие. Я точно так же надеюсь, жду и хочу от отношений хоть какой-нибудь перспективы.

Я поняла, что уже не могу сдерживать всхлипы, и заревела в полный голос. Это был настоящий рев отчаяния, в котором я собрала все эмоции, одолевшие меня в последнее время. Я слепо верила в то, что вместе с этими слезами из меня выйдет вся накопившаяся во мне эмоциональная тяжесть. Схватив Жана за руку, я провела по ней и крепко вцепилась в его плечо. Мне показалось, что еще немного – и он уйдет. Просто встанет, оденется и уйдет из моей жизни. Перепуганный Жан погладил меня по голове и с присущим ему спокойствием произнес:

– Тома, у тебя нервы ни к черту. У тебя неприятности на работе?

– При чем тут работа? – Я подняла голову и посмотрела на мужчину стеклянным взглядом. – На работе все очень даже неплохо. Просто я без тебя не могу...

– Но ведь я же с тобой. Если бы я тебя не любил, разве бы я приехал?

– А я думала, ты Казань приехал посмотреть. – Я попыталась улыбнуться сквозь слезы.

– Да зачем бы мне сдалась эта Казань, если бы тебя в ней не было?! Тома, я с трудом выношу женские слезы. Успокойся, пожалуйста. Я рядом. Все хорошо. Ты же знаешь, что я очень стараюсь, чтобы мы виделись чаще. Я делаю для этого все возможное и невозможное. Ты же рассудительная девушка. Ты должна понимать, что я делаю все, что в моих силах.

– Жан, ты меня действительно не понимаешь или ты просто делаешь вид? – Я хотела остановить навалившуюся на меня истерику, но у меня плохо это получалось. – Я больше так не могу. Я умираю без тебя. Я медленно умираю! Наши с тобой разлуки становятся для меня невыносимыми, и я больше не могу сдерживаться. Когда ты уезжаешь, я кричу от душевной боли и кусаю губы до крови. Я не знаю, насколько меня еще хватит, но мне кажется, что я скоро умру. Когда я остаюсь одна, у меня такое ощущение, будто меня ножом режут по сердцу. У меня какое-то помутнение рассудка. Мне постоянно кажется, что я тебя теряю. Это какая-то агония, понимаешь?! Ты знаешь, что такое агония? Даже если ты знаешь, ты все равно меня не поймешь. Как бы ты мне ни клялся в том, что тебе тоже тяжело, в этой ситуации мне еще тяжелее. У тебя есть тыл, семья, а я совершенно одна. У меня никого нет, кроме тебя. У меня даже нет мира, потому что этот мир заслонил ты. Мне хочется выть от того, что мы так поздно встретились и я ничего не могу изменить, хочется биться головой о стену от собственного бессилия.

Жан поднял брови, заметно помрачнел, и я увидела в его лице холод.

– Тома, с того самого первого дня, как мы с тобой познакомились, я не скрывал от тебя, что женат. Я вообще никогда и ничего от тебя не скрывал.

– Я знаю...

– Тома, ты хочешь со мной расстаться? – Я не была готова к такому вопросу, который задал мне Жан, и впала в полнейшее оцепенение.

Я не могла тянуть с ответом и судорожно замотала головой.

– Нет. Наоборот. Я хочу с тобой никогда не расставаться. Я хочу...

– Тогда зачем ты устроила этот неприятный разговор?

– Потому что я больше не могу...

– Не верю. Ты все можешь, потому что ты меня любишь.

Жан сел рядом и по-отечески погладил меня по голове.

– Тебе не идут слезы. Мне всегда нравились твои жизнерадостные глаза. Ведь я влюбился сначала в твои глаза, а потом уже я полюбил тебя.

В тот момент, когда Жан пошел в ванную комнату, я попыталась взять себя в руки и успокоилась. Я вдруг подумала о том, почему же меня так угораздило полюбить. И почему не какого-нибудь свободного казанского мужчину, а именно женатого француза, с которым нет никаких перспектив и нет даже никакого намека на будущее. Остаться с Жаном означало только одно: на всю жизнь остаться любовницей. Хотя... Хотя я всегда немного подозрительно относилась к такому понятию, как брак. Я слишком часто наблюдала за чужими семьями. Я часто смотрела на жен, которые заполучили своих мужей, и пыталась понять, чего больше они хотят от своего брака, любви или победы. Конечно, замужество дает чувство защищенности, но ведь многие люди утверждают, что замужество убивает любовь. Мне вспомнилась родная тетка, которая всегда учила меня тому, чтобы я была как можно осторожнее в своих желаниях, потому что они иногда имеют неосторожность сбываться. Так вот, моя тетка любила одного женатого мужчину. Любила очень долго, тайно мечтая о том, что когда-нибудь он обязательно оценит ее чувства по достоинству, разведется со своей женой и они проживут долго и счастливо. Время шло, но ее любимый продолжал жить на две семьи, все время обещая ей развестись. Когда слишком долго чего-то ждешь, появляется самая настоящая усталость. Так вот, однажды моя тетка устала и поняла, что устала не только она, устали ее изнеможенные чувства. Устала ее душа. А затем в его семье все окончательно расклеилось и он ушел. Он пришел к моей тетке и сообщил ей о том, что теперь он будет жить с ней. Но почему-то моей тетке не стало от этого радостно. Ей стало от этого слишком грустно. Если бы он пришел раньше... Да, если бы он пришел раньше, она бы бросилась к нему на шею! Она бы громко смеялась и плакала одновременно! Она бы надела свое самое красивое платье и станцевала канкан! Она бы нарвала себе букет очаровательной сирени и на весь свет провозгласила о том, что она самая счастливая женщина! Она бы упала на землю и целовала каждый его след, пока он шел до ее квартиры! Но... Но он пришел тогда, когда она его уже не ждала. Они не смогли жить вместе, и они не стали счастливы и не умерли в один день. Он понял, что он слишком перетянул, переиграл судьбами двух любящих его женщин, а она... Она поняла, что тяжело вступать в новую жизнь с изнеможенной и усталой душой. После этого случая моя тетка до сих пор говорит мне о том, что все наши желания должны выполняться своевременно.

«Бойся своих желаний, потому что они могут исполниться слишком поздно. Они могут исполниться в тот момент, когда это тебе уже не будет нужно. Бойся своих желаний...» Слова моей тетки часто звучали в моей голове, и я ловила себя на мысли о том, что сейчас еще пока не поздно. Не поздно... Сейчас наши отношения находятся на самом пике. И еще пока не поздно. Пока я очень сильно этого хочу и очень сильно об этом мечтаю.

Зачастую в нашей жизни не всем нашим желаниям суждено сбыться. Не всем... Не своевременно и не запоздало.

Тома, немедленно возьми себя в руки, шепотом сказала я себе и что было силы сжала кулаки. Любить – это еще не значит обладать. Чувства – это не торг. Говорят, что настоящая любовь проявляется именно тогда, когда человек любит и ничего не просит взамен. Значит, я должна просто любить... Просто любить...

ГЛАВА 3

Когда Жан вышел из ванны, я была уже совершенно спокойна и смотрела на него глазами, в которых уже не было слез.

– Такой ты мне нравишься больше, – одобрительно сказал он и принялся одеваться.

– Извини. Сама не знаю, что на меня нашло. – Я попыталась хоть как-то оправдать свое состояние и даже смогла улыбнуться, несмотря на то что моя улыбка получилась неестественной и была похожа на оскал.

Несмотря на жуткую грязь, нам все же удалось погулять у Кремля без резиновых сапог. Жан обнимал меня за плечи и, не обращая внимания на с любопытством разглядывающих нас многочисленных строителей и рабочих, с присущей ему одержимостью фотографировал все достопримечательности, которые встречались нам на пути: Кремль, мечеть, резиденцию Президента, храм и памятник зодчим Казанского кремля.

– Тебе здесь нравится?! – я старалась перекричать шум работающей техники.

– Красиво! – как ни в чем не бывало отвечал мой француз, стараясь обходить грязь.

Ближе к вечеру мы погуляли на казанском «Арбате» и поехали ко мне домой, потому что Жан просто изнывал от любопытства посмотреть мою квартиру.

– Ты живешь не на улице Чернышевского? – с иронией спросил он сразу, как только мы сели в машину.

– Нет. Я живу на улице Горького, – деловито ответила я и даже не подумала улыбнуться.

– Тома, а почему ты не захотела, чтобы я остановился у тебя? – Жан задал вопрос, от которого мне стало почему-то не по себе.

– Наверно, по той же причине, по которой ты не захотел, чтобы я остановилась в твоём доме в Париже.

– В моём доме в Париже живет моя семья.

– И что?

– А то, что не стоит задавать глупые вопросы. Ты же сама знаешь, что это невозможно. Я живу не один, а в своей казанской квартире ты живешь одна. Ты же сама рассказывала мне о том, как она досталась тебе от бабушки. Твоя мать живет в другом месте.

– Жан, я действительно живу одна, но не думаю, что тебе было бы у меня намного лучше, чем в гостинице. У меня очень любопытные соседи. Зачем нам ненужные слухи?

– Ты хочешь сказать, что это нехорошо, когда к тебе в гости приезжает иностранец?

– В принципе ничего плохого в этом нет, времена сейчас совсем другие, не такие, как были раньше, но все же нас призывают поддерживать отечественного производителя.

– Ты о чем? – не понял меня француз.

– Да так, о своем, о девищем.

Я жила в небольшой двухкомнатной квартире, которая досталась мне в наследство от моей обожаемой бабушки. Вот уже пять лет, как моя бабушка покинула этот мир, и при воспоминаниях о ее нежной и трепетной любви на моих глазах появляются слезы. Ее портрет висит на стене и освещает своей лучезарной улыбкой самую большую комнату. С тех пор, как бабушки не стало, я всегда горюю и ощущаю, как же сильно мне ее не хватает. Из моей жизни исчезла надежная опора, добрые и нужные мне слова, чрезмерная любовь и даже незабываемые пельмени, которые она всегда лепила вручную. Моя бабушка никогда не боялась старости. Она вообще никогда и ничего не боялась. Все, что происходило с ней при жизни, она всегда воспринимала как нормальный закономерный процесс. Бог даст – и я доживу до старости, я смогу ее встретить совершенно спокойно и даже достойно – так, как встретила ее моя бабушка, с высоко поднятой головой и дерзкой, открытой улыбкой на лице. Я хотела бы очень походить на нее. А еще... Еще я бы хотела, чтобы мои дети и внуки боготворили бы меня так же, как

мою бабушку боготворит наша семья. Когда она была рядом, я часто забывала сказать ей о том, что безумно ее люблю. А однажды я собралась и захотела сказать ей слишком много, но не успела. Не успела... Она умерла.

По ночам, когда мне особенно одиноко, я люблю перебирать ее фотографии. Я смотрю на молодую и изящную девушку, которая потом стала моей бабушкой, и прижимаю фотографию к щеке, вытирая выступившие слезы. Для меня она никогда не была старой. Для меня она навсегда останется настоящей красавицей, которая кружила головы многочисленным поклонникам и дарила всем, кто ее знал, блаженную и счастливую улыбку.

– Проходи, – немного взволнованно произнесла я и открыла входную дверь. – Только у меня здесь небольшой беспорядок. Не обращай внимания.

На самом деле я тщательно убрала свою квартиру, начистила до блеска паркет, вытерла пыль и перемыла все фарфоровые статуэтки. Я знала, что Жан обязательно захочет посмотреть мое жилище, и жутко переживала, что оно может ему не понравиться.

– У тебя идеальный порядок, – тут же успокоил меня мой француз и улыбнулся. Мне показалось, что он догадывается о моих переживаниях. – А у тебя очень мило.

– Спасибо. Я люблю свою квартиру. Когда была жива бабушка, я любила бывать у нее. Вечерами она садилась напротив меня, включала приглушенный свет, легкую, манящую музыку и на вот этом круглом столе раскладывала карты.

– Я вспомнил. Когда мы с тобой познакомились, ты очень много мне про нее рассказывала. Ты говорила мне, что она была гадалкой.

– Она была не просто гадалкой. Она считала себя колдуньей. В этот дом всегда приходили люди. Бабушка предсказывала их жизнь по картам, прогнозировала события, снимала порчу, возвращала любимых и даже наказывала обидчиков. И, конечно же, она много гадала. По картам и на кофейной гуще. Она никогда не давала никаких объявлений в газетах и вообще отрицательно относилась к рекламе. Люди рассказывали о ней друг другу, приводили своих родных и близких, писали ей письма и даже приезжали из других городов. Бабушка никогда не была одна. В этот дом всегда шли люди.

Я постаралась ничего не менять в этой квартире, а сохранить все так, как было при ней. Даже сейчас, спустя пять лет, я чувствую незримое присутствие своей бабушки и ощущаю в этой квартире ее дух.

– Ой, тогда ты очень опасная женщина. Ты внучка колдуньи. – Жан с опаской посмотрел на круглый с несколькими подсвечниками антикварный стол, стоящий посреди комнаты. – Ты любишь зажигать свечи?

– Обожаю. Мне нравится запах горящих свечей. Мне вообще нравятся зажженные свечи. Особенно когда они расставлены по всей комнате. – Остановив свой взгляд на портрете достаточно интересной и красивой женщины в дорогой позолоченной рамке, я грустно вздохнула и продолжила: – Бабушка очень тяжело умирала. Говорят, что у тех, кто занимается колдовством, долгая и мучительная смерть. Она умирала в загородном доме. Это было страшное зрелище. Бабушка умирала две недели. Она кричала от боли и корчилась в муках. Мы с родителями плакали и не знали, как ей помочь. Вся деревня приходила к нашему дому и молилась за бабушку. Все знали, что у колдуньи слишком страшная и мучительная смерть, и каждый мысленно просил о том, чтобы ей стало легче и эти мученья закончились. А однажды вечером, когда мы с мамой сидели на крыльце, к нам подошла незнакомая женщина в черном и сказала, чтобы мой отец пробил отверстие на крыше, чтобы получилась так называемая дверь в небо. Тогда дух сможет быстро уйти и бабушкины мученья закончатся. Эта женщина сразу исчезла, и больше мы ее никогда не видели. Папа тут же пошел на чердак и пробил в нем дыру. Бабушка моментально перестала кричать, облегченно вздохнула и, сказав нам всем о том, что она очень сильно нас любит, умерла с блаженной улыбкой на устах.

– А я и не знал, что колдуньи так тяжело умирают, – заинтересовался моим рассказом Жан.

– Тяжело – это слишком мягко сказано. Ты даже представить себе не можешь, какая же это долгая и мучительная смерть.

– И ты не боишься здесь жить? – Жан задал вопрос, который очень сильно меня удивил.

– Как я могу бояться свою родную бабушку?

– Я имел в виду, что не боишься ли ты того, чем она занималась? В этой квартире достаточно много странных вещей. Почему ты не хочешь поменять эти обои на более светлые или убрать эти амулеты и совершенно непонятные статуэтки?

– У меня просто не поднимется на это рука. Я же уже говорила тебе о том, что я постаралась сохранить здесь присутствие бабушки.

– А тебе что-нибудь от нее передалось?

– Эта квартира, – не поняла я вопроса.

– Нет. Я имел в виду ее дар.

– Не знаю. – Я тут же ушла от ответа, потому что сама неоднократно задавалась все тем же вопросом. – Иногда мне кажется, что я не замечаю в себе ничего особенного. А иногда я нахожу в себе столько странного... А еще... Еще я точно знаю, что моя бабушка меня охраняет. Когда на меня наваливаются какие-нибудь проблемы или приходит беда, кто-то незримо делает все возможное, чтобы я не пострадала. Это дух моей бабушки. Я знаю точно, что она и есть мой ангел-хранитель.

– А она когда-нибудь говорила о том, как сложится твоя судьба?

– Да.

– И что же она говорила? – Глаза Жана возбужденно заблестели.

– Зачем тебе это?

– Мне интересно.

– Бабушка сказала, что у меня впереди длинный и достаточно трудный путь и чтобы на этом пути я ничего не боялась и знала, что бабушка всегда будет рядом со мной, что она никогда не даст меня в обиду, а все, кто попытается причинить мне хоть какое-то зло, будут жестоко наказаны. А еще она сказала, что мне не надо никого бояться, потому что я внучка колдуньи и этим все сказано.

– Получается, что ты веришь в колдовство.

– Верю, – не стала тянуть я с ответом. – Я не могу в него не верить, потому что я видела, какие странные и мистические вещи проделывала моя бабушка. Она даже людей вытаскивала с того света.

– А я нет. – Жан бросил на портрет бабушки задумчивый взгляд.

– Почему?

– Я реалист. Я не верю в сверхъестественные силы, а люди, которые считают себя колдунами, экстрасенсами и гадалками, обыкновенные мошенники, которые подобным образом зарабатывают себе на жизнь.

– Моя бабушка никогда не была мошенницей. Любого человек, который обращался к ней за какой-либо помощью, мог ощутить результат ее труда через обговоренное с ней время. Если она чувствовала, что ей что-то не под силу, или она не хотела за что-то браться, она просто отказывала людям, и все. Как бы они ее ни просили и сколько денег ни предлагали, она говорила твердое «нет».

– Но ведь она брала за это деньги.

– Конечно, брала, а почему она должна была отдавать людям свой дар бесплатно?! Она никого и никогда не обманывала. Люди всегда шли к ней сами. Их никто к этому не принуждал. Никто не мог сказать о ней плохо. Правда, некоторые ее боялись и старались обходить стороной. Почему художник продает свою картину за деньги? Почему человек, который вырастил

на своем огороде картошку, тоже продает ее за деньги? Так почему же моя бабушка должна продавать свой дар за бесплатно?! Это несправедливо. В конце концов, мы же не при коммунизме живем. Свежим воздухом невозможно питаться.

– Извини. Я не хотел тебя обидеть. Я всего лишь высказал свое мнение.

– Оно у тебя неправильное. Сейчас, конечно же, полно мошенников и аферистов, но нельзя отзываться так обо всех, даже о тех, кого ты не знаешь. Есть люди, которые наделены настоящим даром от природы, и уж если они берут деньги, то гарантируют стопроцентный результат.

Почувствовав мое раздражение, Жан понял, как важна для меня добрая и светлая память о моей бабушке, и тут же еще раз принес мне свои извинения. А затем я провела его по своей квартире и обратила внимание на то, что больше всего его поразила моя кровать, которая тоже досталась мне в наследство от бабушки. Она была слишком большой, дубовой, массивной, с большим шатром и деревянными слониками на ножках.

– А это что? – Жан посмотрел на стол, заваленный различными рукописями. – Это тот материал, про который ты мне рассказывала?

– Это титанический труд, который я собирала на протяжении многих лет. Тут целая трилогия про казанских царей. Ты ведь даже и представить себе не можешь, что Казанским ханством правили легендарные женщины. Именно они держали в своих руках бразды правления могущественным государством.

– Это и есть те исторические романы, которые ты пишешь на протяжении нескольких лет?

– Да, я про них тебе тоже рассказывала. Понимаешь, на наших прилавках еще нет ничего подобного. У нас так мало книг об истории Казани. Есть только документальное чтиво. Я не думаю, что оно интересно широкому кругу читателей. Разве только специалистам. А это художественное чтиво, которое написано живым и понятным языком.

– Почему это никто не опубликует?

– Потому, что это никому не нужно.

– Ты хочешь сказать, что жителям города не интересна его история?

– Я ничего не хочу сказать. – Я ощутила, как Жан задел меня за живое. – Долгие годы я делала это только для себя, и я надеялась на то, что это кому-то нужно еще. Но я ошиблась. В последнее время я все больше и больше прихожу к мнению о том, что, кроме меня, это никому не нужно. Но я не отчаиваюсь. Я просто собираю материал, komponую его в главы и надеюсь, что настанет тот момент, когда моей работой заинтересуется еще кто-то, кроме меня. Ведь тут более ста лет интереснейшей эпохи. Я обошла всех влиятельных людей, которых бы заинтересовали мои рукописи, но пока – увы. Некоторые не скрывали своего удивления и, проживая в Казани, даже понятия не имели о том, что Казанью правили женщины. Они думали, что женщины того времени сидели в гаремах и не могли подать даже голоса.

– И что ты будешь со всем этим делать? – Жан кивнул в сторону стола, заваленного бумагами.

– Писать дальше, – не раздумывая ответила я, а затем достала из холодильника бутылку шампанского и протянула ее француз. – Ну что, отметим твой приезд?

– Ты же за рулем.

– Мы выпьем только по бокалу.

Жан принялся открывать бутылку, но непослушная пробка выстрелила, и мы одновременно прокричали:

– За счастье!

После того как почти полбутылки вылилось на пол, Жан посмотрел на меня теплым взглядом и улыбнулся:

– Мы не сговариваясь прокричали с тобой одно и то же слово – СЧАСТЬЕ! Можно загадывать желание.

Взяв в руки бокал, я кивнула головой и, не отводя взгляда от Жана, произнесла про себя одно-единственное желание, которое загадываю при любой возможности уже почти год. Я просила бога, черта или кого угодно сделать так, чтобы этот мужчина был навсегда со мной рядом, чтобы эти приезды друг к другу закончились и чтобы мы были вместе, не понимая, как можно расстаться даже на сутки. Моя бабушка говорила мне о том, что в моей жизни будет большая любовь, о которой другие только мечтают, смотрят фильмы или читают в книгах. Мне казалось, что для осуществления моей мечты должен вмешаться кто-то сверху, какая-нибудь божественная сила или провидение. И для меня было бы совсем не важно, где бы, наконец, мы были вместе, в реальной жизни, в раю или в аду. Это действительно не имеет никакого значения. Я знаю, что, где бы мы ни были вместе, нам везде было бы хорошо.

В этот момент в моей квартире раздался телефонный звонок, и я нехотя сняла трубку. На том конце провода послышался голос моей соседки, проживающей этажом выше.

– Томочка, ты дома?

– Если я взяла трубку, значит, я дома.

– Я к тебе со все той же просьбой...

В прошлый раз моя соседка просила у меня тонометр, и я сразу поняла, что ей стало опять плохо.

– Валентина, вам опять плохо?

– Ты же знаешь, что я звоню тебе тогда, когда мне плохо. Ты бы не могла занести мне аппарат?

– Валентина, дело в том, что я не одна. У меня гости. – В прошлый раз, когда я приносила своей соседке тонометр, мы попили с ней чай, и я посвятила ее в свои сердечные дела. Накануне позвонил Жан, и мне хотелось хоть с кем-то поделиться навалившимся на меня счастьем. Валентина была женщиной в годах, и за плечами у нее был богатый жизненный опыт. Она работала администратором ресторана и крутилась в своей кухне, как рыба в воде. Она была интересна внешне, но, несмотря на свои годы, она никогда не была замужем, и у нее не было детей. На нашей недавней встрече она рассказала мне о том, как она одинока, и разоткровенничалась со мной по поводу того, как ей не везет с мужчинами. «Томка, что ни мужик, то обязательно альфонс. Прямо рок какой-то», – жаловалась мне она и курила крепкие сигареты. «Никогда не связывайся с альфонсами. От них одни неприятности и убытки, – учила она меня и при этом злобно ругалась. – Они ведь даже ценить не умеют. Они только нами пользуются и понижают собственную самооценку. Блин, я ненавижу альфонсов, а мне, кроме них, никто и не попадается. Липнут ко мне, как мухи на мед. Что ни альфонс, то обязательно мой». Я в знак согласия кивала головой и пыталась понять, почему таким самодостаточным и сильным женщинам, как Валентина, и в самом деле так катастрофически не везет с мужчинами. – Валентина, зайдите, пожалуйста, сами.

– Что, так много гостей?

– Один и издалека.

– Француз, что ли, приехал? – сразу смекнула Валентина.

– Он самый.

– Томочка, да я все понимаю. Я тебя долго не задержу. Я только давление померю, и все. Сразу тебе тонометр отдам. Если я сама к тебе пойду, то упаду прямо на лестнице. У меня в ушах жуткий гул, а перед глазами все плывет. Я уже и таблетки выпила, но ничего не помогает. Не знаю, может, «Скорую» вызвать... Хотя... Если тебе некогда, я попробую до тебя хоть как-то дойти. За стеночку подержусь.

– Ни в коем случае, – тут же остановила я Валентину. – Я сейчас к вам сама поднимусь.

– А француз?

– Подождет. Никуда не денется.

– Спасибо тебе, Томочка. Я перед тобой в долгу не останусь.

– Боже мой, о чем вы говорите. Главное, чтобы вы чувствовали себя хорошо. Вы знаете, мне, собственно, этот тонометр без надобности. Пусть он пока будет у вас, а если он мне понадобится, то я его потом заберу.

Положив трубку, я открыла двери комода и достала тонометр.

– Жан, ты меня, пожалуйста, подожди. Я быстро. Только соседке тонометр занесу и все. У нее давление очень высокое.

– Не переживай, я тебя подожду. Я бы пока с удовольствием посмотрел твой альбом с фотографиями. Мне интересно на тебя посмотреть маленькую.

– Когда я была маленькой, я была гадким утенком.

– Не верю.

– Я говорю тебе правду.

– Ты хочешь сказать, что гадкий утенок превратился в красивого лебедя?

– Так оно и было. В детстве я всегда комплексовала по поводу своей внешности. Меня мальчишки в упор не видели.

– Не верю.

– Хорошо. Посмотри фотографии – и сам в этом убедишься.

Положив перед Жаном альбом со своими детскими фотографиями, я поцеловала его в щеку и понесла тонометр соседке.

Поднявшись на нужный этаж, я нажала кнопку звонка и посмотрела на покрасневшую Валентину, которая, по всей вероятности, с трудом дошла до коридора для того, чтобы открыть мне дверь.

– Возьмите. Пусть он пока побудет у вас. – Я протянула плохо чувствовавшей себя Валентине тонометр, но она его не взяла и отрицательно замотала головой.

– Ничего не передавай через порог. Плохая примета. Войди в квартиру.

Женщина завела меня в спальню и прилегла на кровать.

– Что-то мне совсем плохо. Такое ощущение, что сейчас умру.

– Вы вся красная.

– У меня давление, наверно, под двести. Давай, я померю.

– Конечно. Я вам его оставляю.

– Мне стыдно, что я постоянно прошу его у тебя, а у самой все не хватает времени его купить.

– Да ерунда это все. Извините. Я пойду, а то меня мой француз ждет.

– Приехал все-таки.

– Приехал, – радостно кивнула я головой.

– Дождалась. Любит, значит. Счастливая ты. Может, и меня с каким французом познакомишь. Если, конечно, не умру раньше времени. В последнее время мое здоровье оставляет желать лучшего.

– Да вы что такое говорите. Вы еще молодая, красивая. Вам жить да жизни радоваться.

– Что-то в последнее время никакой радости от жизни я не испытываю. Ни замуж не смогла выйти, ни детей нарожать. В старости даже стакан воды принести некому будет. Не хочу одинокую старость. А старость знаешь как быстро приходит. Даже не успеешь оглянуться, как тут же приходит эта проклятая старость. Сначала ты понимаешь, что эта юбка становится для тебя слишком короткой и откровенной, что этот вырез уже тебе не идет, потому что в него уже никто не заглянет с интересом. В него будут смотреть только с усмешкой. А после постоянных неудач и разочарований в личной жизни ты приходишь к мнению о том, что самые хорошие мужчины уже давно на кладбище.

– Валентина, что это на вас нашло? Совсем расхворались. Вам еще рано рассуждать о старости и уж тем более о кладбище. Вы прекрасно выглядите. Да когда вы идете по улице, на вас оглядываются молоденькие мальчишки. Вам грех жаловаться.

– И все эти молоденькие мальчишки хотят не моего тела, не моей любви, а хотят пожить за мой счет. Ты знаешь, я стала старой не столько внешне, сколько внутри.

– Как это?

– У меня состарилась душа, и я ничего не могу с этим поделать. Посиди со мной пару минут, я только померю давление.

– Валентина, меня ждут.

– Только пару минут.

Я села на краешек кровати и, посмотрев на еще больше покрасневшую женщину, осторожно спросила:

– А может, вам «Скорую» вызвать? У вас такой вид, будто...

– Будто я сейчас умру, – dokonчила мою фразу Валентина.

– Вы действительно не очень хорошо выглядите.

Заострив свой взгляд на стрелке тонометра, я наклонилась и ощутила, как женщина дыхла на меня перегаром. Только теперь до меня дошло, что она изрядно выпила и ее состояние обусловлено чересчур большой дозой алкоголя.

– Валентина, а может, вам нужно поспать? Вы много выпили.

– Откуда ты знаешь? – смутилась женщина.

– Запах.

– Сто восемьдесят на сто. – Валентина положила рядом с собой тонометр и откинулась на подушку.

– Это очень большое давление. Его надо бы сбить.

– Перед глазами все плывет.

– Так, может, все-таки «Скорую»?

– Я не хочу «Скорую». Посиди со мной еще пару минут.

– Но только если пару... – нерешительно ответила я и представила Жана, который одиноко сидит в квартире и листает альбом с фотографиями.

– А ты была во Франции?

– Да.

– И как там Париж?

– Он потрясающий, этот город любви. Мне до сих пор не верится, что я там была. Мне это кажется сказкой. Все как во сне.

– Я тоже хочу побывать в Париже.

– Так обязательно слетайте, если, конечно, деньги позволят. Вы не пожалеете. Вы просто влюбитесь в этот город, и это будет любовь с первого взгляда.

– А твой француз живет в замке?

– Почему? Он женат и живет со своей семьей. Я не была у него дома и не испытываю по этому поводу ни малейшего сожаления. Когда я была в Париже, мы жили в дорогом отеле. В номере был настоящий камин. Тогда мне действительно казалось, что я живу во дворце. Там было все сделано под старину. Мне показалось, что за тот номер он заплатил приличные деньги. В отеле останавливалась дорогая публика. Вечером, за ужином, мы слушали рояль и пили отменное французское вино. А что касается того, что он богач, то никакой он не богач. У него нет миллионов, дворцов и лимузинов. Он совершенно обычный француз, который работает в довольно крупной компании. А еще я могу сказать про него то, что его очень ценят на работе, его уважают и он очень много работает.

– Да кому нужно это уважение. С деньгами-то у него как? Он тебе помогает? Он спонсор или альфонс?

– Ну то, что не альфонс, – это точно. – Это сравнение вызвало на моем лице улыбку.

– Это радует, а то у нас своих альфонсов полно. Еще не хватало, чтобы на наши харчи французские заседали. Значит, он спонсор.

– Да и не спонсор он вовсе. Он же меня не содержит. Он просто оплатил мне поездку во Францию, дарит мне цветы и подарки. По вашим суждениям все мужчины делятся ровно на две категории, это на спонсоров и альфонсов. Для меня это не так.

– Ты хочешь сказать, что есть золотая середина? Есть мужчины, которые не помогают и не требуют твоей помощи?

– Есть мужчины, которые просто любят, а мы просто любим их.

– И ты в это веришь?

– У меня сейчас именно такие отношения. Для меня важна только любовь.

– А почему ты не попросишь у него квартиру в центре Москвы?

– Зачем? Да и мне кажется, что у него нет таких денег. Он не настолько богат. Я с ним не из-за какой-то корысти, а потому, что очень сильно люблю его. Иногда мне кажется, что я без него не могу. Я без него умру.

– Но ведь он же женат.

– А что, разве женатого нельзя любить?

– Женатого должна любить его жена. – Слова Валентины вновь задели меня за живое, наверно, потому, что тема, которую она затронула, была самой болезненной темой в моих отношениях с Жаном. – Получается, что ты ему отдаешь всю себя, а он только половину.

– Почему половину?

– Потому что другую половину он отдает своей жене. Она же у него не святым духом питается. Ее муж и морально и материально заботится о том, чтобы поддерживать семейный очаг. С тобой такого очага у него нет. Значит, ту половину, которую он тебе не дает, он должен восполнять деньгами. А так получается, что слишком хорошо он устроился.

– Да он куда не устроился. Мы просто друг друга любим.

– Ой, Томочка, да ты уже не маленькая девочка. Пора уже снять розовые очки и вылезти из нездорового романтизма. Да с таких, как он, деньги надо тянуть, а не шашни крутить, чтобы после того, как все закончится, с пустой задницей не остаться.

– А почему это должно закончиться?

– Не смейся. Уж мы-то знаем, что вечной любви не бывает. Придет время, страсти остынут, и ему надоест мотаться в Россию.

– Я могу приезжать к нему в Париж, – в моем голосе уже не было былой уверенности.

– Ему не только надоест мотаться в Россию, но и оплачивать твои поездки в Париж. Настанет момент, когда ему просто станет жалко на это денег. Он взвесит все «за» и «против» и подумает о том, что российская любовница сильно бьет по карману. Намного проще обзавестись французской. И удобнее и дешевле. Ну, что ты так на меня смотришь? Я правду говорю тебе. С любовницами не обращаются так, как с женами. Если отношение к женам отличается завидным постоянством, то любовниц приходится часто менять. Ты должна быть готова к разрыву и заранее позаботиться о том, с чем ты останешься после прекращения ваших отношений. А может быть, он разведется?

– Нет, – покачала я головой.

– Ты уверена?

– Вполне. Он никогда не скрывал от меня, что женат, и я знала, на что иду. И вообще мне сейчас не хочется об этом говорить и рассуждать о ближайшем и о далеком будущем. Мне хорошо, и я хочу, чтобы мое состояние продлилось как можно дольше. Мне не стыдно за свои отношения и за то, что я живу одним днем. Я сейчас пребываю в таком состоянии, которое полностью меня устраивает.

– Наверное, ты и права. Может быть, так и надо?! Просто любить и ничего не требовать взамен. А мне всегда казалось, что если просто любить, то тогда мужик тебе на шею сядет.

– Не знаю. На мою шею пока никто не садится.

– Может быть, потому, что мужик французский? Может, французские мужики не любят у баб на шее сидеть?

– Понятия не имею. – Я нервно посмотрела на часы и перевела взгляд на Валентину. – Я не могу вас осуждать, потому что вам действительно одни альфонсы попадались, но, может быть, вы не там мужчин ищете?

– А где их нужно искать?

– Не знаю, но только не в ресторане. Хотя иногда бывают и исключения из правил. Вот я нашла своего француза на курорте, хотя говорят, что курортные романы не долговечны и заканчиваются там же, где начинаются, но есть примеры и достаточно крепких семей, которые образовались сразу после возвращения с курорта. Тут не предугадаешь.

– Это верно.

– Вам не лучше?

– Я не умру, – обнадежила меня Валентина.

– Конечно, не умрете.

– Я не умру, потому что мне еще предстоит увидеть Париж. Я не умру, пока не увижу этот город. Ох, Париж... Париж... Город моей мечты.

Соседка замолчала и закрыла глаза. Я испуганно наклонилась, но, услышав чересчур громкий храп, облегченно вздохнула и, оставив тонометр рядом с ней, вышла из спальни.

Спустившись к себе, я попыталась освободиться от какого-то неприятного осадка, который остался у меня после разговора с изрядно выпившей Валентиной, и, достав ключ, открыла входную дверь. Толкнув дверь, я переступила порог и громко вскрикнула...

ГЛАВА 4

Я ощутила очень сильный удар. Он был настолько сильный, что мне показалось, еще немного – и я просто потеряю сознание. А затем кто-то поднял меня вверх и, пронеся несколько метров, швырнул посреди зала. Все происходило слишком грубо и бесцеремонно, а от сильнейшего удара ощущалась сильная ноющая боль в груди. Подняв глаза, я посмотрела на сидящих передо мной мужчин и глухо спросила:

– Кто вы?

Вместо того чтобы ответить, мужчины посмотрели на меня злобным взглядом и рассмеялись. Их было трое, и их внешность оставляла желать лучшего. У одного был перебит нос, который, по всей вероятности, неправильно сросся и ушел набок. У другого был слишком кривой подбородок, но чересчур красивое накачанное тело, а выражение лица третьего вызывало настоящее чувство страха и намекало на то, что он может убить, даже не раздумывая.

– Я ничего не сказала смешного, – съезжилась я и задала вопрос, который волновал меня больше всего: – Где Жан? Как вы сюда попали?

Неприятный холодок пронзал мою грудь, и боль все не утихала. Но сейчас я уже перестала обращать внимание на эту боль и поняла, что в моей ситуации самое главное – уцелеть, потому что взгляды ворвавшихся в мой дом мужчин не предвещали ничего хорошего.

– Кто вы? – вновь задала я все тот же вопрос и ощутила дрожь по всему телу.

– Ты хочешь узнать наши имена?! – усмехнулся самый крупный мужчина, у которого был кривой подбородок. Он был похож на спортсмена, принимающего участие в боях без правил. Его сломанная челюсть приводила в состояние ужаса, и я прекрасно понимала тот факт, что если разозлить данного субъекта, то от него не дождешься пощады.

– Вы находитесь в моей квартире. Я вас не приглашала.

– Ты хочешь, чтобы мы извинились за то, что вошли без звука?!

– Я хочу знать, что происходит.

От мужчин исходило что-то животное и невероятная агрессия. Я даже не сомневалась в том, что я попала в ужасную ситуацию и мне тяжело прогнозировать, как же мне удастся из нее выбраться. Один из мужчин встал и прошелся по комнате. Остановившись рядом с портретом моей бабушки, он ухмыльнулся и ударил кулаком в портрет с такой силой, что тот пошатнулся и с грохотом упал на пол.

– Старая сука! – прокричал он и наступил на портрет. – Жуткая, выжившая из ума старуха!

Я задрожала как осиновый лист, ощутила, как защемило сердце, и почувствовала, как на глаза накатились слезы.

– За что? – только и смогла спросить я.

– За то, что раньше колдунов жгли на костре, а это сука умерла своей смертью. А что, в народе правду говорят, что она была настоящей колдуньей?

– Я не могу отвечать на вопрос человеку, который стоит на портрете дорогого и родного мне человека.

Ударив со всей силы ботинком по портрету, мужчина оскалился и рассмеялся крайне неприятным смехом.

– Если она колдунья, то почему она ничего мне не сделает?! Я бью ее по лицу, а она никак мне не мстит?! Пусть она превратит меня в камень! Ну что, ей слабо?!

– Она умерла, – с трудом произнесла я и смахнула слезы.

– Саня, не извращайся. Уйди с портрета. Смотри, бабка на нем вся сморщилась от боли. Нехорошо обижать старых женщин, – из спальни вышел четвертый мужчина, который совершенно не был похож на этих троих, так как он не отличался столь завидной комплекцией и

был одет в приличный классический костюм и галстук. – Уйди с портрета, я сказал. Видишь, девушка плачет.

Малопрятный тип сделал крайне недовольное лицо, сошел с портрета и облокотился на подоконник.

Пройдя в центр комнаты, незнакомец в костюме попрощался с кем-то по мобильному телефону и сунул его в карман. Затем расплылся в улыбке и посмотрел на меня заинтересованным взглядом.

– Здравствуй, Тома. Меня зовут Влад. Ты не ругайся на нас за то, что мы здесь немного похозяйничали. Пока тебя не было, мы тут немного посидели, полистали твой альбом с фотографиями. Попытались угадать, какой ты была в школе – симпатичной или не очень. Ни на одной фотографии тебя не нашли. Получается, ты раньше какая-то страшненькая и незаметная была, а сейчас расцвела, и от той серой моли ничего не осталось. А еще мне хочется сказать, что ты очень сильно похожа на свою бабушку. Внешне, конечно. Я видел твою бабушку на фотографиях в молодости. У тебя с ней много общего.

– А где Жан?

– Этот француз, что ли?

– Я оставляла его здесь одного.

– Да не переживай ты так. С ним все в порядке. Просто мы сюда зашли, а тут какой то иностранец нашу отечественную девушку на фотографиях рассматривает и смотрит на нее, как на свою собственность. Думаем, неправильно это. У них там своих девушек полно. Нечего им на наших пялиться. Нехорошо это. Вот мы его и попросили временно покинуть пределы этой квартиры, а то эти иностранцы уже совсем обнаглели. Указа на них нет. Пачками наших девушек вывозят. Говорят же: на чужой каравай рот не разевай, а они это правило соблюдать не хотят. А надо бы. В конце концов, не у себя дома.

– Что происходит? – неожиданно для себя всхлинула я. – Я вас не знаю. Кто вы такие?

– Мы очень хорошие и спокойные ребята. Мы ничего не сделаем тебе плохого и твоему французу тоже, если...

– Что – если?

– Если ты отдашь нам драгоценности твоей бабушки.

– Драгоценности?! – Я посмотрела на стоящего передо мной мужчину непонимающим взглядом. – Я не понимаю, вы о чем? У моей бабушки не было никаких драгоценностей. У вас неверные сведения. Все, что она нажила, так только эту квартиру.

Вместо того чтобы дослушать меня до конца, мужчина подошел о мне как можно ближе и слишком грубо взял меня за подбородок.

– Меня эта квартира не интересует. Тома, ты что, не поняла, что с тобой никто не шутит? Все слишком серьезно. Отдай нам бабушкины драгоценности, и мы никогда больше не появимся в твоей жизни.

Я похолодела и не поверила своим ушам. Я не могла поверить в реальность происходящего, и все, что происходило у меня на глазах, казалось мне глупым и нелепым сном.

– Я вам клянусь, что не знаю ни о каких драгоценностях. У моей бабушки никогда не было больших денег и даже хоть каких-нибудь накоплений. Все, что она мне оставила, так это пару колечек и сережки. Но их и драгоценностями-то не назовешь. Они не представляют столь большой ценности. Вы это имеете в виду?

– Ты что, решила посмеяться над нами?

– Боже упаси. Я не имею привычки смеяться над малоизвестными людьми. Я просто не пойму все то, что сейчас происходит. Моя бабушка умерла, но она никогда не отличалась большим богатством. Она умерла пять лет назад. Вы приходите ко мне спустя пять лет после ее смерти и требуете какие-то непонятные драгоценности. Даже если бы они у меня были, то уж, наверно, за пять лет я бы нашла и придумала бы, как ими можно распорядиться. Но у

меня, кроме этой квартиры, оставшейся от бабушки, и моего автомобиля, который я купила на заработанные в фирме деньги, ничего нет.

Я старалась хоть немного унять дрожь в голосе и быть как можно более убедительной.

– Я не знаю, откуда у вас такие неверные сведения, но все, что вы мне сейчас выдвигаете, крайне необоснованно.

В этот момент я посмотрела на свое отражение в зеркальном шкафу и сразу обратила внимание на то, что я чересчур бледная. Из зеркала на меня смотрели два перепуганных глаза, которые хлопали ресницами и сходили с ума от жуткого страха.

– Ко мне приехал любимый человек из Франции. Я бы хотела знать, куда вы его дели. Вы выгнали его на улицу?

Но стоявший напротив меня мужчина не обращал никакого внимания на мои слова и продолжил в том же духе. Он делал вид, что совершенно не слышит моего вопроса.

– Когда умерла твоя бабка?

– В мае, – нерешительно ответила я.

– Все совпадает.

– Да что совпадает-то?

– А то, что ты мне денег должна, и денег немалых.

– Я?!

– Ты!

– Да я ж вас не знаю.

– Я же тебе сказал, что меня зовут Влад.

– Это имя ни о чем мне не говорит.

– Это имя говорит о многом.

Влад сел на корточки и заглянул мне в глаза.

– Мой дед был очень богат. Ему досталась прекрасная родословная и неплохое наследство. Его жена умерла слишком рано, и он совсем один воспитывал единственную и любимую дочь. После смерти своей жены мой дед был влюблен в одну колдунью, о которой постоянно судачили люди. Вот такой скверный характерец у него был. Увидев твою бабку, сразу влюбился. Я очень много слышан о твоей старухе и знаю, что это была очень опасная женщина, которая занималась черными делишками. Поговаривают, она тесно общалась с потусторонними силами. Она питалась любовью моего, тогда еще молодого, деда, его энергетикой и не давала ему проникнуть в свою душу. Так вот, однажды моя мать пошла против воли моего деда и вышла замуж за человека, который ему был крайне несимпатичен. От этого брака родился я, но мой дед не воспринял этот брак, потому что он даже не представлял, как его можно слушаться. Мать говорит о том, что он никогда ее не любил, а мне трудно понять тот факт, как отец может не любить своего единственного ребенка. А знаешь, почему мой дед не любил мою мать?

– Нет, – тут же ответила я и подумала, что мне не интересно слушать историю, которая не имеет ко мне никакого отношения.

– Потому что твоя бабка околдовала его мозги. Она же колдунья. Для нее это элементарные вещи.

– Этого не может быть.

– Это было, – все с той же уверенностью заявил Влад. – Об этом до сих пор говорят все, кто знал моего деда. Она его заколдовала, и он жил словно по инерции, не обращая внимания ни на кого, кроме твоей бабки. Вот так мой дед и жил совершенно один. Всю свою жизнь купался в своих деньжищах и вкладывал их в драгоценности. А мы с матерью перебивались с хлеба на воду и не знали, что такое наесться вдоволь. Мать работала на трех работах, отец спился и вскоре отошел в мир иной, а я воспитывался в круглосуточном детском саду, а иногда и в интернате. Когда я стал взрослеть, я брал мать за руку и спрашивал ее о том, почему наш

дедушка нас не любит и нам не помогает. Почему мы должны жить в каком-то обшарпанном общежитии, в то время как наш дед бродил совершенно один в просторной семикомнатной квартире?! Мать не могла ответить на этот вопрос. Она вообще не понимала, что происходит. Она вышла замуж совсем не за того, за кого было угодно ее отцу, но ведь время прошло, и оно должно было все излечить и расставить на свои места. Тем более мать родила ему внука, но дед не захотел даже поддержать меня на руках. Когда умер мой отец, мать искренне надеялась на то, что теперь он ее обязательно пожалеет и простит, но она в очередной раз ошиблась. Он не пожалел ее и не простил. Он просто жил и делал вид, что у него нет ни дочери и ни внука. Мать очень страдала, плакала по ночам и не могла ничего изменить. И только тогда, когда прошло определенное время, до моей матери дошла страшная истина, что мой дед не разозлился на мать за тот нежелательный брак, он просто ее никогда не любил. До тебя доходит, как можно не любить своего единственного ребенка?

– Нет, – честно ответила я и подумала, что у деда этого разговорившегося мужчины не в порядке с головой и что при жизни он нуждался в консультации хорошего психолога. – Я не понимаю, какое отношение к этому рассказу имею я?

– Самое прямое. – Влад тут же сразил меня ответом. – Мой дед не любил свою дочь по той причине, что всегда, всю свою сознательную жизнь он любил только твою бабушку. Он так сильно ее любил, что его любви не хватало даже на одного-единственного ребенка. Он не мог ее полюбить. Все свои силы, чувства и эмоции он полностью отдавал твоей старухе.

– В любви к ребенку и любви ко взрослому человеку есть слишком много отличий. Их нельзя сравнивать. Даже если все было так, как ты говоришь, – я и сама не заметила, как перешла с незнакомым человеком на «ты», и подумала о том, что в данной ситуации какие-то рамки приличия уже не имеют значения, – то моя бабушка здесь ни при чем. Проблема не в моей бабушке, а в твоём деде и в его отношении к своему ребенку. Моя бабушка всегда была очень красивой, и за ней с молодости бегало слишком много мужчин. У нее были большие черные глаза и черные волосы цвета воронова крыла. Она была статная и очень видная. Я не боюсь повторяться по поводу того, что ее любило много мужчин, и многие из-за любви к ней совершали самые непредсказуемые поступки. Мужчины действительно теряли от нее голову, но это не значит, что она должна отвечать за поступки тех, кто ее любил. Мужчина на то и мужчина, что он должен сам ответить за все, что он делает. И еще. Твои претензии не по адресу. Дети и внуки никогда не отвечают за поступки своих родителей. Если у тебя есть что сказать, то сходи на могилу моей бабушки. Я не знаю, есть ли жизнь после смерти, но иногда говорят, что мертвые слышат живых. Ты можешь посидеть у нее на могиле и сказать ей обо всем, что у тебя накопилось. Я иногда так и делаю. Прихожу на могилу, сажусь на лавочку и рассказываю ей обо всем, что произошло. Я уверена, что она меня слышит. А мне становится легче. Я выхожу с кладбища с облегченной душой.

Видимо, мои слова крайне не понравились Владу, и он раздул ноздри.

– Да я скорее тебя рядом с ней положу, чем буду разговаривать с тем, кто уже умер. Спрашивать нужно с живых, а какой спрос с мертвых? И запомни. Мой дед полюбил твою бабушку не потому, что она была у тебя красавица, а потому, что дружила с нечистой силой и заколдовала его волю и его мозги. Она подчинила его себе на много лет, с молодости до самой смерти. Она ведьма, и этим все сказано. Она проверяла свои могущественные черные силы на моем деде и проводила различные эксперименты.

– Моя бабушка не ведьма, хотя многие и считали ее колдуньей. – Я еще раз попробовала заступиться за честь своей любимой бабушки. – Она потомственная целительница, ведунья и прорицательница-гадалка. Она сидела с картами Таро в руках, предсказывала судьбу, корректировала жизненные ситуации, лечила людей от недугов и изгоняла злых духов. Она редко пользовалась магическими силами. Дело в том, что она обладала достаточно сильной энергетикой, которая была передана ей по наследству. Конечно, я не скрываю того, что она знала

многие магические ритуалы. В молодости у нее были очень сильные и хорошие учителя. Иногда она беседовала с духами, но она никогда не была шарлатанкой и не давала объявления в газеты. Люди всегда шли к ней сами. Они шли, потому что они ей верили. Они шли только по рекомендациям своих друзей и близких. Она никогда не обвешивала себя различными титулами и не обещала людям того, чего не может сделать. Она всегда была с людьми честной.

– Ведьма не может быть честной, – сморщился Влад. – Что такое колдовство? Это власть и сила, которую можно обратить против любого человека. Такие, как твоя бабка, отравляли нормальным людям жизнь. Они делают различные заговоры, насылают проклятья и сглазы. Твоя старуха использовала любовь моего деда в своих интересах. Она сделала так, что на протяжении всей своей жизни он любил только ее и никогда больше не взглянул ни на одну женщину. Она подавила его волю, забрала его разум и заставила жить словно на привязи. Он жил и всю свою жизнь ждал команду, что она его позовет. А она его звала только в том случае, когда ей были нужны деньги. Ей, твоей матери или тебе. Она превратила его жизнь в команду «К ноге». И это несмотря на то, что мой дед был сильный и волевой человек. С ней у него воли не было.

– Извини, я про это ничего не знаю, но, несмотря ни на что, я не хочу осуждать свою бабушку. Я очень ее люблю. Ее отношения с мужчинами – это только ее отношения, и я не хочу и не имею морального права их касаться. Каждый живет так, как считает нужным, и поступает так, как ему хочется. Что было, уже прошло, и ничего не вернешь назад.

Мужчина встал, потер затекшие ноги, подошел к разбитому портрету бабушки, поднял его с пола и внимательно всмотрелся в глаза изображенной на нем женщины.

– Никогда не видел более холодного взгляда. Как можно жить, оставляя позади себя столько несчастных людей?! У нее ведь даже глаза настоящей ведьмы!!! Ей не знакомо ни чувство любви, ни чувство сострадания!

Прокричав последнюю фразу, мужчина несколько раз ударил портретом о стену и после того, как рамка сильно потрескалась, яростно бросил портрет на пол. Я закрыла глаза, чтобы не видеть то, что доставило мне неопишемую, жуткую душевную боль, и в который раз подумала о том, что я не обязана расплачиваться за грехи своей бабушки, и еще я считала, что у моей бабушки нет грехов. Открыв глаза, я посмотрела на окончательно разбитый портрет и тихонько всхлипнула.

– Ни моя бабушка, ни ее портрет здесь ни при чем. Я буду вам всем очень благодарна, если вы покинете пределы моей квартиры и скажете о том, куда дели моего любимого человека, который приехал ко мне из Франции.

– Нам не нужны твои благодарности, – злобно произнес Влад и, развязав галстук, расстегнул верхние пуговицы своей рубашки. Он сильно взмок, а его белоснежную рубашку можно было выжимать, потому что на ней выступил пот. Сняв пиджак, он повесил его на спинку стула и посмотрел на меня злобным взглядом:

– Что у тебя жара-то такая? Кондиционеров нет, что ли?

– Нет.

– А что не поставишь?

– Я их не люблю. Мне не нравится искусственный холодный воздух.

– Тебе духота, что ли, больше нравится?

– Мне нравится, когда я нахожусь в своей квартире одна и в ней нет столько здоровых мужчин, которые отравляют чистый воздух своими флюидами зла, которое от них исходит.

– Влад, да она ненормальная, – сказал тот, у которого неправильно сросся сломанный нос. – По-моему, у нее не все дома, как и у ее бабки.

– Оно и понятно. Недалеко от свей бабки ушла, – согласился сидящий рядом с ним. – Внучка колдуньи все-таки. Значит, мозги тоже с отклонениями и работают не так, как у нор-

мальных людей. Мужики, а может, она сейчас нас заколдует? Порчу на нас наведет или позовет злых духов?! – в голосе мужчины слышалась усмешка.

Вдоволь посмеявшись, Влад вновь встал напротив меня и спросил серьезным голосом:

– А ты случайно колдовством не промышляешь?

– Нет.

– Что, тебе ничего не передалось?

– Ничего.

– Смотри, ежели ты чего против нас задумала, мы тебя прямо здесь сожжем... А теперь я хочу сказать тебе о самом главном. После того как мой дед умер, у нас с матерью не осталось ровным счетом ничего, кроме большой семикомнатной квартиры, и та чуть было не ушла государству. Моей матери пришлось изрядно побегать по всем инстанциям для того, чтобы доказать свои права на эту жилплощадь. Но самое интересное то, что нам ничего не досталось от дедовых драгоценностей, которые он собирал с завидным постоянством и вкладывал в них все свои деньги. У нас не осталось вообще ничего.

– А я здесь при чем?

– При том, что все, что было у моего деда, он завещал твоей бабке...

ГЛАВА 5

– Не может быть, – только и смогла сказать я, потому что хорошо знала о том, что у моей бабушки никогда не было никаких драгоценностей. – Это какая-то ошибка. Я уже говорила тебе о том, что у тебя неверные сведения. Моя бабушка не имеет к этому никакого отношения. Я никогда не замечала у нее никаких сокровищ.

– Только не надо рассказывать, что ты была слепа. Мой дед никогда не держал денег. Ни в банке и ни под подушкой. Он считал их ненадежными. Мы живем в государстве, где в любой момент могут произойти самые необратимые изменения. Все свои деньги он вкладывал в хорошее золото и бриллианты. Поговаривают, что бриллиантов у него было значительно больше, потому что золото слишком тяжелое. Ни я, ни мать не были вхожи в дедову квартиру. Он жил отшельником. В нее была вхожа только одна женщина, это твоя бабка. Соседи рассказывали, что она приходила туда редко, но самое главное, что она все же туда приходила. В одной из дедовых комнат был тайник, где он хранил свои драгоценности. Я еще раз могу повторить, что этих драгоценностей было достаточно, чтобы безбедно жить и не думать о завтрашнем дне.

– Может быть. Но с чего ты взял, что именно моя бабушка взяла из тайника эти драгоценности?

– Потому, что у деда не было никакой другой бабушки, кроме твоей.

– Ты на нее наговариваешь. Она не способна на такое. Я не поверю, что за всю жизнь, кроме моей бабушки, никто не заходил в квартиру твоего деда! Если, конечно, моя бабушка вообще в нее заходила. Может, люди ее оговаривают. Многие не любили ее за то, чем она занималась. Вот и усердно распускали про нее всякие слухи.

– Я ж сказал, что ты сильно похожа на свою старуху в молодости на фотографии. Эти фотографии лежали в комодке моего деда.

Влад полез в карман висящего на стуле пиджака, достал оттуда снимки и кинул их веером к моим ногам. Я тут же взяла фотографии в руки и почувствовала, как у меня защемило сердце. На фотографиях действительно была моя бабушка, только на бабушку она была совсем не похожа. На меня смотрела молодая, интересная женщина с большими, черными как смоль глазами и точно такими же черными волосами. Перевернув одну из фотографий, я прочитала дарственную надпись, сделанную красивым и размашистым почерком: «Любимому от Марии».

– Твоя бабка? – все так же злобно спросил меня Влад и закурил сигарету.

– Моя, – кивнула я головой и положила фотографии рядом с собой.

– Прочитала, какая на них надпись?

– Прочитала.

– И что?

– Да ничего, – растерянно пожала я плечами. – Писать можно все, что угодно. Бумага все выдержит. Я не сомневаюсь в том, что это написано рукой моей бабушки, и не нахожу в этом ничего криминального. То, что она состояла в отношениях с твоим дедом, это ее личное право. Я здесь ни при чем. Если она дарила ему свои фотографии, то это не значит, что она забрала его драгоценности.

– После смерти деда драгоценности пропали. Тайник был пуст.

– Да мало ли кто мог их взять. Я же уже говорила, что такого быть не может, что моя бабушка была единственной, кто ходил в квартиру твоего деда.

– Я тоже так думал... – Влад побледнел, и я заметила, как затрясся его подбородок. – Я тщательно выстраивал все факты и перебирал все его связи. Я искал хоть какую-то ниточку, за которую можно зацепиться. Целых пять лет я искал все то, что прятал мой дед. Долгих пять лет. Дед жил слишком скромно и, как старый маразматик, каждый день открывал свой тайник и перебирал свои драгоценности.

– Откуда ты знаешь, ты же никогда не был в его доме?

– К нему однажды пришла моя мать. Он пустил ее на порог и даже напоил чаем. А затем повел к тайнику и стал хвастаться своими сокровищами. Мать говорит, что она знала, что у деда есть наследство и что он вложил его в драгоценности, но она и подумать не могла, что их так много. Он достал из тайника банку для круп и высыпал из нее свои бриллианты. От увиденного мать пришла в состояние шока. Ей было обидно и больно от того, что мы с ней вынуждены были жить в нищете, а ее отец хранит эти камни, перебирает их, любителю и даже не думает о том, что нам с матерью нужна его помощь. Мать смотрела на эти камни и не могла понять, зачем отцу так много. Ведь на том свете они уже без надобности. А на этом эти камни могли обеспечить достойную жизнь самому деду, его дочери и его внуку и даже будущим правнукам, но дед не желал про это слышать и, спрятав свои камни обратно в банку, закрыл свой тайник. Когда дед умер и мы с матерью наконец смогли прийти в квартиру, тайник был пуст.

– Печальная история. Кому-то очень сильно повезло, – тихо сказала я и осторожно бросила взгляд на часы. Мне было страшно оттого, что в моем доме присутствовали чужие люди, что я должна слушать чужие истории и что неизвестно, где находится Жан. – Мне жаль, но я не имею к этим сокровищам никакого отношения. Возможно, твой дед куда-нибудь их унес, занялся благотворительностью или еще чем-то в этом роде. Я знаю некоторых верующих, которые жили бедно, но все, что у них появлялось, они несли в церковь. А возможно, драгоценности забрал кто-то из его друзей. Ну даже если представить, что у него не было друзей, то кто-то из знакомых уж точно. Думать на мою бабушку грех. В отличие от твоего деда, она любила и свою дочь, и свою внучку. Я была с бабушкой в потрясающих теплых отношениях, и уж если бы она неожиданно разбогатела, то я бы обязательно об этом узнала. Не стоит ее подозревать. Она бы никогда не взяла чужое. Эту банку взял кто-то другой. Извини, но ты пришел не по адресу. Может, тайник был ненадежно спрятан?

– Он находился прямо в стене, – перебил мои рассуждения Влад. – Для того чтобы его найти, нужно было залезть в шкаф, найти маленькую кнопку и открыть дверцу. За этой дверцей находился сейф, который был вмонтирован прямо в стену. Для того чтобы открыть этот сейф, нужно было знать его код. Когда мы с матерью зашли в квартиру, мы сразу увидели, что сейф открыт, и поняли, что драгоценности забрал только тот, кому дед очень сильно доверял, иначе он бы никогда не сказал ему код. А на этой земле есть только один человек, которому дед доверял, это твоя бабка. Только ей одной он мог доверить заветный код. Признаться честно, так я не злюсь на деда за то, что он так обошелся со мной и с моей матерью. Все было хорошо до того момента, как он познакомился с твоей бабкой. С тех пор он стал жить, как зомби. Для него не существовало ни родных, ни друзей, ни близких. Он стал обыкновенным отшельником, который спятил от своей любви. А теперь я хочу окончательно припереть тебя к стене. – Голос Влада стал еще более злым и жестким.

– Что еще?

– Не скрою, после того, как мать побывала у деда и рассказала мне о сокровищах, я тысячу раз строил планы о том, как грохнуть своего деда.

– Ты хотел убить родного деда?

– Правильно мыслишь.

– Да уж...

– Я понимал, что только с его смертью к нам с матерью придет нормальная жизнь. Мы поселимся в его огромной квартире и будем жить в достатке. Я и не скрываю того, что я постоянно хотел убить деда! Я хотел убить его за то, что он с нами так поступил, за то, что для него не существовало ни близких и ни родных. Я вынашивал план, не спал по ночам, строил в голове различные схемы, но...

– Но что? – в моем голосе прозвучал страх.

– Видимо, у меня не хватило духа. Кого угодно, но деда... Правда, один раз я уже почти все подстроил, но что-то сорвалось, не получилось. А затем я понял, что если все сорвалось, то это знак свыше, что если я это сделаю, то попаду за колючую проволоку. И я терпеливо ждал его смерти. Хотя ночами я закрывал глаза и представлял себе, как я подставляю своему деду нож к горлу и говорю, что за все в этой жизни надо платить – и за нелюбовь к тем, кого ты произвел на этот свет и за кого ты несешь ответственность тоже.

– Но ведь ты же не убил своего деда?

– Нет. Я все же смог дождаться, пока он покинет этот мир сам. Но я просчитался. Я был уверен на все сто, что бриллианты будут на месте. Но увы, ничего уже не было. Правда, мать не особо переживала по этому поводу. Она была рада, что у нас большая квартира в центре города. Единственное, за что она переживала, так это за то, как мы будем за нее платить. Но вопрос решился сам. Я более-менее встал на ноги, и теперь для нас это уже не проблема. И все же после смерти своего деда я не прекращал поиски того, кому же он, наконец, мог доверить свой тайник. Главным подозреваемым лицом в этом загадочном деле была твоя бабка, но она умерла следом за дедом. И следующей подозреваемой стала ты.

– Но ведь моя бабушка умерла пять лет назад! Почему ты пришел сегодня? Почему не через двадцать пять лет?

– Я за тобой следил, наблюдал за твоим образом жизни и ждал, когда же ты, наконец, откроешься и начнешь богатеть.

– Пока мне не с чего богатеть.

– Время шло, но ты действительно не богатели, а у меня не было доказательств, что сокровища унесла твоя бабка.

– Ты хочешь сказать, что теперь у тебя есть доказательства?

– Есть.

– Надо же. Какие?! – Я посмотрела на Влада удивленно и почувствовала, как задрожала моя губа.

Влад вновь полез в карман пиджака и достал оттуда сложенный вчетверо листок бумаги.

– Читай, – возбужденно произнес Влад и посмотрел на меня злобными и даже маниакальными глазами.

– Что это?

– Читай, я сказал! Читай!

Я развернула листок и быстро пробежала по нему глазами.

«Дорогая доченька и Влад. Ради бога, если сможете, то простите, а если не сможете, то и не нужно. Это ваше право, и у вас есть все основания, чтобы ненавидеть меня до конца моей жизни. Я как никто это заслужил. Если бы кто-нибудь сказал мне о том, что со мной может произойти подобное, я никогда бы не поверил. Я бы не поверил в то, что моя дочь так рано лишится своей матери и будет расти практически без отца. Я не поверил бы и в то, что я отрежусь от своего внука и буду жить так, как будто его не существует на свете. Все началось с того, что моя единственная дочь, которая всегда меня слушалась, вышла замуж за того, кто мне не угоден. Это действительно вывело меня из состояния равновесия. Уж слишком он был хитер, да еще у него была плохая наследственность. Он был из потомственной семьи алкоголиков. Дочь, но это был твой выбор, и переубедить тебя было невозможно. Я не хотел жить с твоим мужем в своей квартире и не дал вам кров. Я не захотел принять своего внука, потому что его создал человек, вызывавший у меня самую что ни на есть негативную реакцию и даже ненависть. Но самое главное состояло в том, что я познакомился с одной женщиной, ее зовут Мария. Люди говорят, что эта женщина ведьма, и я ощутил это на себе. С самого первого дня нашего знакомства в моей жизни начался какой-то кошмар. Я просто сгорал от любви и ничего не мог с этим поделать. Я делал все возможное, чтобы хоть как-то побороть свои чувства, но эта женщина будто отняла мою волю и полностью подчинила меня себе. Я любил, а

она пользовалась моей любовью и одним взглядом могла заставить исполнить ее любое желание. Я не знал, что бывает такая любовь, когда отсутствует разум, а все твои мысли только об одном человеке. Когда Мария приходила ко мне домой, она обязательно брала с собой свои карты. Раскладывала их на столе и любила напоминать о том, что она единственная любовь в моей жизни и без нее моя жизнь попросту оборвется. Она стала для меня всем. Матерью, женой, любовницей, дочерью и даже светом в окне. После общения с ней я был полностью опустошен и чувствовал, как она забрала с собой всю мою энергетику. Разве я мог подумать о том, что я полюблю колдунью? Но это случилось, и эта любовь переросла в какую-то странную зависимость и даже пагубную привычку. Все годы, которые я провел с любовью к Марии, я даже не жил, а только существовал и делал вид, что мне комфортно в том измерении, в котором я нахожусь. Я понимаю, что уже слишком поздно. Поздно просить прощения и в чем-то каяться. Прошла целая неудавшаяся жизнь, состоявшая из чувства угнетающего одиночества и несчастной любви. Глупо просить у вас прощения за то, что я отдал все свои чувства чужой женщине, а не вам, что я жил не для вас, а для нее, что я думал только о ней и не вспоминал о том, что есть родные мне люди, которые ждут, когда я прозрею и пойму, как был слеп. Мне никогда не было с ней легко, потому что от нее ничего нельзя скрыть. Она читает все мои мысли, знает все, что со мной было, что будет, и даже то, что я умру в марте, а она в мае. Вы представляете, она даже знает такие вещи. Правда, она никогда не говорила мне о том, в каком году это будет, но я почему-то стал бояться марта месяца. Как только проходит март, я облегченно вздыхаю и понимаю, что у меня еще есть год жизни, а может, и несколько лет. Самое главное – это пережить год. Люди боятся подобных женщин и обходят их стороной, но я попал в этот омут и понимаю, что мне из него никогда не выбраться. Мы можем не встречаться несколько дней, но она знает все, что я делал и где нахожусь. Она видит все на картинке, стоит ей разложить карты. Один раз я плохо себя почувствовал и сел в парке на лавочке, пытаюсь хоть немного отдышаться. Вижу, идет она, садится рядом, гладит меня по плечу, и я чувствую, как меня отпускает. Я даже попытался спросить, откуда она знает, что мне так плохо и что я решил прогуляться в парке, но понимаю, что я задал глупый вопрос, потому что от нее ничего не скроешь и ничего не утаишь. Она просто почувствовала, что мне плохо, и пошла в этот парк для того, чтобы оказать мне свою помощь. Я не скрываю того, что у меня были мысли пойти с ней под венец, и я неоднократно предлагал ей жить вместе, но она не хотела меня слушать, а впоследствии запретила мне и вовсе про это говорить. Она считала, что ей нельзя иметь семью, что то, чем она занимается, и семья просто несовместимы.

Позабывая мной дочь и мой внук Влад, я не ищу себе оправдания и не прошу прощения, потому что то, что я натворил и как жил, простить невозможно. Я оставляю вам немного драгоценностей, всего несколько бриллиантов, потому что больше у меня ничего нет. Все, что у меня было, та полная банка сокровищ, которую я показывал своей дочери, у меня забрала Мария. Просто пришла и сказала, что начался март и что это последний март моей жизни, что теперь они мне не нужны, потому что у меня никого нет, никого, кроме нее самой, а ей еще жить аж до мая, и у нее есть любимая внучка. Дорогие мои, не поминайте меня лихом и заткните уши от того, что я вам сейчас говорю, потому что я знаю, как вам сейчас будет противно и больно. Мария не ошибается, мне осталось совсем немного. Всего несколько дней. Через несколько дней март заканчивается. Я не смогу сказать вам это вживую и посмотреть в ваши глаза. Я смогу лишь написать, потому что больше я ни на что не способен. Я люблю вас, мои родные. Я ненавижу себя за то, что я слишком поздно это понял, и за то, что я так жил. Если бы вы только знали, как сильно я вас люблю. ЛЮБЛЮ. Я готов просить прощения у вас на коленях, но понимаю, что это невозможно простить. Возможно, Мария решила перед смертью дать мне это почувствовать и вернула мой разум, хотя бы на несколько дней, на такое короткое время. Меня словно озарило, и я вспомнил о вас. Я безумно захотел обнять свою дочь, погладить ее по голове, не скрывая мужскую слезу. Я хотел посмотреть на уже достаточно взрослого

Влада, протянуть ему руку для рукопожатия и зареветь навзрыд. Я бы хотел сказать: „Дорогие мои, заходите. Это ваш дом, и все, что в нем есть, ваше. Хватит скитаться. Возвращайтесь домой, вот ведь как в жизни бывает. Я встречу вас на коленях и буду молить бога о том, чтобы вы решились на этот шаг и вернулись туда, где вы и должны были быть все эти годы“. Но я так никогда не скажу, потому что у меня не хватит на это ни смелости, ни моральных сил. Для вас я чужой человек и предатель, который предал вас из-за черной и эгоистичной любви. Все, что у меня для вас осталось, так это несколько бриллиантов. Больше у меня ничего нет. Все унесла Мария. Для того, чтобы она не забрала последнее, я вскрою половицы и положу это письмо и бриллианты в пол. Буду надеяться на ее благоразумие и на то, что она не тронет последнее. Когда-нибудь вы это найдете, но меня уже не будет. Возможно, то, что вы найдете хоть немного, вам поможет и оставит обо мне хоть какую-то память.

Простите. Прощайте. С любовью. Ваш Макар».

Ощутив, как жутко пересохло во рту, я отдала Владу письмо и стала нервно обдумывать то, что в нем написано.

– Теперь тебе все понятно? Я открыл все карты.

– Чертовщина какая-то, – только и смогла произнести я.

– Мой дед умер ровно пять лет назад в марте месяце, а твоя бабка тоже пять лет назад, в мае. Ты только вдумайся. Это письмо написал человек, который был еще жив. Он узнал сроки смерти от твоей бабки. Она сказала все точно. Даже страшно подумать, какой могущественной силой она обладала. Старая, страшная дрянь. Сейчас в моей квартире, вернее в бывшей дедовой квартире, вовсю идет ремонт. Решили поменять полы, и, сняв одну из половиц, мы и нашли бриллианты и это письмо. Странно, что твоя старуха не взяла эти бриллианты и не избавилась от этого письма, ведь она же у тебя ясновидящая. Она же не могла не знать, что она не все бриллианты забрала. Совести у нее нет, поэтому говорить то, что ей совесть не позволила забрать последнее, не буду. Не тот человек. Скорее всего ей было лень половицы вскрывать. Не бабское это дело, пачкаться неохота. У нее ведь и так целая банка драгоценностей, а из-за мелочовки мараться просто не стоит.

– Мне страшно от того, что сейчас происходит, – вырвалось у меня. – Это письмо не соответствует действительности. Бабушка никогда не говорила мне о сокровищах. Мы никогда не жили на широкую ногу. Мне страшно понять, что в письме написана правда.

– А мне нет смысла тебя обманывать.

Влад схватил меня за шиворот и, подняв с пола, поставил к стене.

Достав из кармана брюк пистолет, он поднес его к моему затылку и сказал голосом, не предвещавшим ничего хорошего:

– Тома, пошутили, и хватит. Где драгоценности? Если ты сейчас не прекратишь валять дурачку и не ответишь на мой вопрос, я прострелю тебе затылок. Мне терять нечего.

Я вжалась в стену и вслушивалась в каждое произнесенное Владом слово.

– Я сама в шоке. Я клянусь, что слышу обо всем этом первый раз...

– И последний, – жестко процедил Влад и снял пистолет с предохранителя.

ГЛАВА 6

Мне казалось, что я простояла с приставленным к виску пистолетом целую вечность. Сначала я резко перестала хоть что-то понимать, застыла и как-то отстраненно на все глядела. Потом я немного пришла в себя, ощутила реальность и боялась сделать хотя бы малейшее движение головой. Мне было страшно оттого, что я могу дернуться и пистолет может непроизвольно выстрелить. Мой взгляд упал на разбитый портрет моей бабушки, и я с трудом сдержала слезы. Мне вдруг показалось, что она меня видит, что она обязательно меня защитит и поможет. Она не допустит, чтобы убили ее единственную внучку в ее же квартире, где когда-то происходили различные ритуалы, горели свечи и сбывались людские желания.

За считанные секунды в моей голове пролетели мысли о том, что я все же познала любовь. А ведь совсем недавно я смотрела на своего последнего мужчину, к которому не испытывала особых чувств, и думала о том, что это мой последний шанс выйти замуж, потому что лучше мне все равно ничего не найти. И судьба подарила мне этот шанс. Я встретила своего принца – француза, который обнаружил Золушку и разглядел в ней принцессу. Ведь именно Жан показал мне, что настоящая любовь есть, что это не сказка, что есть на этом свете мужчина, о котором я все время мечтала. Черт побери, когда я меньше всего в него верила, я поняла, что он есть.

По моим щекам вновь потекли слезы, и я увидела перед собой Тунис. Я набираю в грудь побольше воздуха и подставляю лицо свежему морскому ветру. Я слушаю, как шумит море, и держу за руку Жана. Я улыбаюсь потому, что я счастлива, и чувствую тепло, которое исходит от стоящего рядом со мной человека. Я счастлива от того, что Я ЖЕНЩИНА. Пусть я не красивее большинства из нас, но я знаю и горжусь тем, что у меня есть внутренний магнетизм, и я хорошо знаю границы своего женского очарования. Легкие пальцы Жана касаются моей талии, и я испытываю приливы сладострастия. Я никогда не любила Тунис, потому что я его не поняла с первого раза. Точнее, я его просто не знала. Я полюбила его тогда, когда поняла, что такое талассотерапия, после которой твоему организму хочется петь, кричать от радости и ты чувствуешь в себе невероятные силы. А еще я в нем встретила Жана. Я наслаждалась тем, что моя рука находилась в другой, более сильной руке. Я волновалась, потому что видела глаза человека, в которых читалось восхищение от того, что я есть и я рядом. Иногда мне казалось, что наша с Жаном идиллия мне просто пригрезилась, но тем не менее все это было на самом деле. Все это было. Жан писал мне стихи и носил на руках по берегу моря...

– Где Жан? – задыхаясь, произнесла я и, закрыв глаза, потеряла сознание.

...С огромным трудом разлепив веки, я попыталась понять, что происходит, и сморщилась от сильной головной боли. Первым, кого я увидела, был Влад. Он бил меня по щекам и совал в нос нашатырь.

– Ну, очухалась?

– Что со мной было?

– Не знаю. Мне даже показалось, что ты ласты отбросила, но ведь я в тебя не стрелял. Я тут же перетащил тебя на диван и стал искать аптечку. Не думал, что ты такая слабая. Пистолета, что ли испугалась?

– Голова болит.

– Еще бы. Так шарахнулась!

– А где Жан? – всхлипнула я и посмотрела на Влада умоляющим взглядом.

– Да не бойся ты за своего француза. Жив он, здоров. Что с ним сделается?

– Он в гостинице?

– Почти, – уклонился Влад от ответа.

– Что значит почти?

– Он в надежном месте.

– С ним по-плохому нельзя. Он ни в чем не виноват. Он тоже не имеет к этим драгоценностям никакого отношения. Он приехал ко мне посмотреть Казань.

– Насмотрится он еще на Казань, если будет хорошо себя вести и делать то, что ему говорят.

– А что он должен делать?

– Он знает.

– Как это знает? Что он вообще должен знать?

– Я же сказал, что он знает. Это тебя не касается. Ты лучше побеспокойся о своей собственной шкуре.

Слегка приподняв голову, я почувствовала головокружение и, не став испытывать судьбу, вновь положила тяжелую голову на подушку.

– Да вы тут с ума все посходили, что ли?! Человек приехал ко мне, и, значит, я несу за него ответственность. И это не просто человек. Это мой любимый, близкий и дорогой человек.

– И давно ты по иностранцам шерстишь? – усмехнулся сидящий на стуле Влад.

Но я никак не отреагировала на его оскорбление и сказала сквозь нарастающий шум в ушах:

– Влад, уходи. Я тебе ничего не должна. У меня ничего нет. Я не виновата в том, что твой дед бросил тебя вместе с матерью на произвол судьбы. Я не имею к этому отношения. Уходи. Зачем тебе нужно убийство? Если бы я знала о существовании каких-либо драгоценностей, то я бы обязательно их тебе отдала. Мне не нужно чужое. Но, увы, я вынуждена тебя разочаровать. У меня их нет. Я живу на те деньги, которые получаю в своей фирме. Я тебя не знаю и никогда не вспомню о том, что ты сюда приходил. Уйди, пожалуйста, из моей квартиры и из моей жизни. Я тебе ничего не должна, и у меня ничего нет. И будь человеком, верни мне Жана. Он приехал в Казань в первый раз, и мне хочется, чтобы об этом городе у него остались самые хорошие и светлые впечатления.

– Мне наплевать, какие у него будут впечатления, – тут же перебил меня Влад. – Мне на это глубоко наплевать.

Не успела я ему возразить, как услышала громкий стук, и тут же подняла голову.

– Что это?

– Все нормально. Просто мои ребята ищут сокровища.

– Их здесь нет.

– Откуда тебе знать?!

– Да я уверена!

– Ты же утверждаешь, что тебе о них вообще ничего не известно. Допустим, я тебе верю. Я сказал только, допустим. Возможно, твоя полоумная бабка соорудила себе тайник и переложила все драгоценности туда. Куда-то она же должна была их положить!

Приподнявшись, я смогла сесть и принялась с ужасом наблюдать за тем, как люди Влада обыскивают мою квартиру. Они двигали мебель, выкидывали все из шкафов, заглядывали везде, куда только можно заглянуть, и даже стучали по стенам.

– Тут ничего нет, – глухо произнесла я и перевела взгляд на Влада.

– Да ты успокойся. Не переживай ты так сильно. Сейчас мы проверим, есть тут что или нет.

Не прошло и минуты, как к Владу подошел один из мужчин, отдышался и демонстративно постучал по паркету.

– Влад, внешний обыск ничего не дал. В принципе этого и следовало ожидать. Не дура же она – сокровища в шкафу держать. Нужно снимать паркет, смотреть стены. У нее в ванной и на кухне пластиковый потолок. Его бы тоже не мешало снять. Одним словом, нужно ломать все, что ломается, и отдираť все, что отдирается.

– Да вы что! – тут же развела я руками. – А кто мне потом ремонт будет делать?! Это же больших денег стоит!

Влад усмехнулся и посмотрел на меня насмешливо.

– Дорогая, ты должна думать не о ремонте, а молить бога о том, чтобы нашлись эти драгоценности. Потому что, если в квартире не найдется тайника, я буду спрашивать их с тебя. А если я очень сильно разозлюсь и ты по-прежнему будешь водить меня за нос, то тебе уже никакой ремонт не потребуется. На том свете ремонт не нужен.

Последние слова Влада произвели на меня очень сильное впечатление, и я опустила глаза.

– Собирайся.

– Куда?

– Поживешь пока в другом месте.

– Я никуда не пойду из своей квартиры, – замотала я головой.

– Я два раза повторять не буду, – в голосе Влада появилась реальная угроза. – Мои ребята не могут эту квартиру за одну ночь проверить. Бабка твоя слишком хитрая была, и уж если она тайник замуровала, то, наверно, его так просто не отыщешь. Возьми все самое необходимое. Уже поздно. Закроешь квартиру и поживешь пока в другом месте. А с завтрашнего дня мои ребята приступят к поискам.

– Как же так, – окончательно растерялась я. – Они начнут стучать, все ломать. Соседи могут заинтересоваться, что же здесь происходит. Когда они поймут, что в квартире чужие люди, сразу вызовут милицию. Может, лучше не надо?

– Никто никакую милицию не вызовет, – тут же рассеял мои сомнения Влад. – Ребята наденут строительные комбинезоны и сойдут за рабочих. В случае чего, отговорка будет одна. Ты заказала бригаду и делаешь капитальный ремонт. Да не смотри ты на меня так!

– Я не смотрю, – отвела я глаза в сторону.

– Милицией хочет меня напугать! Да не боюсь я милиции! Понятно?! Не боюсь. Не в том возрасте. Это в детстве, когда я плохо себя вел, мать постоянно говорила мне о том, что сейчас придет дядя милиционер и меня заберет. И мне тогда реально было страшно. А сейчас мне уже не страшно, а смешно. Меня ни чертом лысым, ни милицией, ни даже твоей бабкой-колдуньей не напугаешь! Собирайся, я сказал!

Я вздрогнула и направилась к шкафу.

– А надолго я уезжаю? – осторожно спросила я и тяжело задышала.

– Не знаю, как получится. Я же сказал, чтобы ты взяла самое необходимое.

Немного помолчав, Влад закурил сигарету и усмехнулся.

– Может быть, на всю жизнь.

– Это не смешно. Что значит на всю жизнь? У меня на работе отпуск всего на неделю.

– На черта тебе вообще работать. С такими-то драгоценностями. – Влад замолчал и внимательно посмотрел на меня.

– Я не понимаю, о чем ты.

Взяв пакет, я окинула взглядом целую гору своих вещей, вываленных из шкафов, и попыталась найти самое необходимое. Хотя я и сама не понимала, что именно необходимое мне нужно. На вещи капали мои слезы, и я понимала, что уже не могу себя сдерживать и мне хочется упасть на пол, дать волю своим эмоциям, разрыдаться и даже забиться в истерику.

– Ты что так долго копаешься?! – послышалось за моей спиной. – Ты хочешь к своему французцу или нет?!

– Что? – Я резко повернулась и ощутила, как кровь хлынула в мою голову.

– Давай быстрее. Там тебя твой француз ждет, – издевательски произнес Влад и усмехнулся. – Если, конечно, он еще не умер от разрыва сердца. Когда мои ребята его из квартиры выводили, он чуть было в штаны не наложил. Смотрел, как баран, тупым взглядом и повторял одну-единственную фразу: «Где Тома?» Как будто Тома придет и его спасет. Ну мы его

немного по черепушке погладили, чтобы он про Тому забыл и нитками шевелил как можно быстрее, а то у нас время поджимало.

– Ты что говоришь? Жан здесь совсем ни при чем! Разве можно так с иностранцами обращаться? Ты только представь, какое у него впечатление будет и какой осадок останется о стране и о нашем городе в частности, после того как он к себе домой вернется! Он же это всем рассказывать будет.

Влад прищурил глаза и посмотрел на меня хитрым взглядом:

– А с чего ты решила, что он к себе домой вернется?

– Как это? – Я ощутила, как сильно у меня прокололо левую сторону.

– Так это.

– Ты что говоришь?! Ты думаешь, что ты говоришь?! – Я бросила пакет с вещами на пол и прикрыла свой рот ладонью. Затем убрала ладонь и заморгала глазами: – С ним так нельзя. Он гражданин другой страны. У него там семья. Жена, ребенок и куча родственников. Эта семья непростая, а чего-то значит. Они это так не оставят.

– Жена, ребенок, говоришь...

– Ну да.

– А что же ты тогда с женатыми иностранцами таскаешься?!

– А я его люблю! – произнесла я вызовом.

– Вот и люби его на здоровье.

– Вот и люблю!

– Люби, кто тебе мешает.

– Ты!

– Ну уж, дорогуша. Извини. Как бы ты ни хотела, но я должен тебе помешать. Бабку свою благодари. Она моему деду всю жизнь кровь пила и мне все испортила. Не была бы она у тебя такой алчной и жадной до чужих драгоценностей, то и у тебя не было бы никаких конфликтов и крайне неприятных ситуаций. Валялась бы сейчас со своим иностранцем в одной кровати и делала бы ему приятное, ублажала, из кожи вон лезла, чтобы доставить ему удовольствие.

После последних слов Влада я немного смутилась и сказала усталым голосом:

– Это уже мое личное дело, чем мне с ним заниматься.

– А я и не спорю. Я просто задаюсь вопросом: почему наши бабы такие шлюхи? Тебе что, местных мужиков не хватает? Неужели надо тащить мужиков черт-те откуда?! Поэтому и мнение о вас всех такое, таскаетесь с семейными иностранцами, а потом хотите, чтобы мы вас уважали. Он тебе хоть за секс платит?

– Что?! – не поверила я своим ушам.

– Я говорю, он тебе хоть бабок нормально отваливает? Не за так же ты себя продаешь. Дери с него побольше. Пусть знает наших.

Увидев мои обезумевшие глаза, Влад расплылся в довольной улыбке и произнес голосом, в котором читалась ярко выраженная насмешка:

– Или ты ему на халяву даешь?! За просто так. По любви, так сказать? Халява сейчас как называется, любовью, что ли?! А в принципе, что тебе деньги-то с него брать, тебе вон сколько мой дед оставил.

Я с трудом сдерживалась, чтобы не дать этому мерзкому типу хорошую пощечину, и вовремя подумала о возможных последствиях. Но все же я не смогла удержаться и процедила сквозь зубы:

– А может, нашим мужикам стоит задуматься, почему нас к иностранным потянуло?! Может, дело не в нас, а в них самих. Ведь смотришь на вас и думаешь: перевелись мужики. Ох, перевелись! Если раньше я хотела встретить мужчину с какими-нибудь достоинствами, то в последнее время у меня критерий был всего один – чтобы он психически здоровым был и хоть немного вменяемым.

– Что, тебе на психов везло?

– А в последнее время мне только они одни и попадались. Как ни познакомишься, так дурно становится. Понимаешь, как же все запущено и сколько же среди вас с ярко выраженными отклонениями!

Сев прямо на гору высыпанных вещей, я бросила на Влада прямой, пронзительный взгляд и отчаянно заговорила:

– Иностранцы хоть ухаживать могут, а от вас никогда ничего не дожدهшься! Вот Жан встретил меня Золушкой и сделал – королевой, а вы даже если и встретите королеву, то обязательно сделаете ее Золушкой! У нас на работе одна женщина умерла. Милая такая, приятная женщина. Всегда улыбалась и никому никогда плохого не делала. На работе ее высоко ценили, уважали и любили за то, что у нее душа была чистая, за то, что она всем всегда готова была помочь и даже чужую боль понять и помочь ее выдержать. Ее Татьяной звали. И вдруг она умерла. А знаешь, почему она умерла? Потому что устала. Она умерла в тридцать пять лет, потому что очень устала жить. Тридцать пять лет... В тридцать пять лет жизнь только начинается, а у нее она уже закончилась. Разве это возраст для смерти женщины?! Я никогда не была с ней близка, а когда познакомилась и подружилась, то ужаснулась тому, как она жила. Она вышла замуж, когда ей было семнадцать лет, и ни одного мужчины, кроме своего мужа, не видела. Все долгие годы своего замужества она вставала в шесть утра, стояла у плиты и готовила еду для своего чересчур привередливого мужа. Если борщ был слегка пересолен, то он мог запросто вылиться его в унитаз. Он заставлял ее печь печенье и пироги. Ты только представь: как можно в наше время печь печенье? Его же в магазине пруд пруди, но он не ел магазинное. Он ел только домашнюю выпечку, сделанную ее руками. Он любил есть только все свежее. Сваренный борщ нельзя было поставить в холодильник и затем разогреть, потому что если бы Татьяна так сделала, то Петр бы просто к нему не притронулся. Можно было готовить еду только на один раз, потому что второй раз то же самое он бы уже не ел. Она вынуждена была стоять с мясорубкой и крутить мясо, потому что готовый фарш он не ел, да и готовые котлеты тоже. Нельзя было покупать ни пельмени, ни манты, ни вареники. Нужно было лепить все самой, и чтобы каждый день было все разное и не похожее друг на друга. Она не знала, что значит отдохнуть дома, и слишком много работала. Она работала и дома и на работе. Когда она что-то не успевала днем, она делала это ночью. Вставала ночью и пекла это печенье. А еще она работала и в огороде и на даче. В ее глазах была такая ужасная усталость, что в них было больно заглядывать. Она растила дочь, жила во благо мужа и слишком много работала... Она не знала, что такое курорты и выходные. Она стояла с лопатой, сажала картошку, полола грядки, консервировала банки и украдкой посматривала на мужа, попивающего пиво и сидящего с удочкой на пруду, который сидел, выпятив вперед свое пузо, растущее как на дрожжах. Когда она уставала, кидала тяпку и пыталась хоть немного посидеть, он начинал на нее кричать, что все хозяйки как хозяйки, целыми днями стоят раком в огороде, а у него не хозяйка, а черт-те что, и он женился не на той, на какой нужно. Тогда она тут же брала тяпку и продолжала полоть дальше. И она думала, что она делает правильно. Она даже и представить себе не могла, что можно жить по-другому. У нее не было ни своей жизни, ни своего мнения, потому что если она что-то хотела сделать, то тут же говорила: «Надо спросить у Пети». У нее не было ни подруг, ни друзей, потому что Петя запрещал ей с кем-либо общаться, ведь у нее же есть он, а он – это целый мир и семья, дальше которой просто нельзя шагать. Когда она ему говорила, что устала и хочет выспаться, он смеялся и отвечал, что она обязательно отдохнет и выспится, но только уже на том свете. При этом на ее глазах он обнимал соседок по даче, тискал, прижимал к себе и откровенно гулял. А она не могла ничего возразить, потому что она думала, что так надо. Он же мужчина, она думала, что по-другому просто не может быть. Иногда у нее болел живот, но она не обращала на это внимания. Некогда было. Нужно было работать. Она жаловалась Петру, когда боли становились все сильнее и сильнее, но он лишь махал рукой и называл ее лгуньей,

которая просто не хочет работать. Он забеспокоился о ней лишь тогда, когда она потеряла сознание, прямо с тяпкой на огороде. В больнице сказали, что у нее уже рак последней степени и что уже ничего нельзя сделать. Она умерла через месяц после того, как узнала свой страшный диагноз. Она лежала в комнате, где горел ночник, и слушала, как ее муж говорил со своими женщинами по телефону. И она ни в чем его не укоряла. Она думала, что это нормально, что так надо и что по-другому просто не может быть. А за несколько дней до смерти она стонала от болей, а Петя лежал рядом и смотрел телевизор. Для того, чтобы не слышать, как она стонет, он включил его на полную громкость и не обращал на нее никакого внимания. Когда она попросила сделать его потише, он что было силы на нее накричал и даже поднял руку, но не ударил. Он орал, что она думает только о себе и не думает о том, как он останется один на один вместе со своими грядками и хозяйством. При этом он называл ее эгоисткой, которая ищет легких путей и избегает различных трудностей. Она ничего ему не возразила, она просто положила на голову подушку для того, чтобы не слышать, как громко работает телевизор. Ей нужны были дорогие обезболивающие лекарства, на которые у них не было денег, и она самоотверженно сносила все свои нечеловеческие боли, моля бога только об одном, чтобы это закончилось как можно быстрее. Конечно, она подумала о том, что для того, чтобы хоть немного облегчить ей страдания, муж мог бы продать свою машину или гараж, но она побоялась ему это сказать, потому что думала о том, что сейчас мужу деньги нужны больше, чем ей. Благо, что ей приносили деньги с работы люди, которые ее очень любили и уважали. Все спрашивали Таню о том, почему ее муж палец о палец не ударил, чтобы хоть как-то облегчить ее состояние, но она говорила, что не хочет ничем обременять Петю, что это нормально и что по-другому просто не может быть. А однажды она подозвала мужа к себе, попросила прощения за свой эгоизм, улыбнулась и умерла. В тридцать пять лет. Она улыбнулась потому, что она знала, что теперь наконец-то сбудется ее мечта. Она сможет выспаться и отдохнуть. Я была на ее похоронах и видела, как все кидали на гроб по кусочку земли. Я стояла, плакала и думала о том, как страшна ее жизнь. **ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ, КОТОРАЯ ЖИЛА ЖИЗНЬЮ МУЖЧИНЫ.** Был человек – и не стало человека. И этот человек никогда не знал, что же такое безудержная радость, цветы, стреляющее шампанское, громкий смех, море, какая-нибудь поездка, вечернее гуляние и даже любовь. Она не знала, что такое любовь, потому что она знала только, что такое самопожертвование. После похорон Петя сразу сказал фразу: «Свято место пусто не бывает», подтянул свой живот и, посмотрев на неиспользованную пачку муки, отправился искать новую хозяйку. И нашел. И не просто нашел. Он еще выбирал, потому что претенденток на роль хозяйки было больше чем предостаточно и никого из этих женщин не испугала чудовищная и искалеченная судьба Татьяны. Слишком много у нас одиноких женщин, а тут надо же, мужик освободился. И каждая из этих женщин думала о том, что с ней все будет совсем не так. С ней будет все совсем по-другому. А что Петру – загонял и похоронил одну. Надо будет, загоняет и похоронит вторую и третью. Ведь все они или просто не смогут с ним жить, или, чтобы не возвращаться к проклятому одиночеству, потеряют себя и станут точно такой же безропотной Татьяной.

Я замолчала и посмотрела на Влада полными слез глазами.

– И к чему ты мне это говоришь?

– К тому, что таких Петь очень много. Даже больше, чем предостаточно.

– Ты хочешь сказать, что среди иностранцев дерьма не бывает. Да ты выйди замуж за американского фермера из какого-нибудь штата, он тебя в этих грядках сразу похоронит и вместо могилы чучело для отпугивания ворон поставит.

– Я не хочу говорить про американских фермеров, я говорю про российских мужчин.

– Влад, пора дискуссию прекращать. Надо на стрелку ехать, – сказал один из мужчин и заглянул в комнату.

Влад кивнул головой и пристально посмотрел на меня.

– Ты готова?

– Я не знаю, что мне с собой брать, куда и на сколько я еду, – раздраженно ответила я, швырнула пакет в противоположную сторону. – Вы ворвались в мою квартиру, перевернули в ней все кверху дном, надругались над портретом бабушки, спрятали от меня моего любимого человека!

– Успокойся, как только найдутся драгоценности, ты сразу вернешься в свою квартиру вместе со своим любимым французом и делай тут с ним, что хочешь. Только не стоит катать истерики. Поедешь, временно побудешь в другом месте. У тебя будет хорошая возможность поразмышлять. Кто знает, может, в твою голову придет какая-нибудь гениальная идея. Ты хорошенько подумаешь и, возможно, вспомнишь, где могут быть драгоценности, которые твоя бабка стащила у моего деда.

Влад помог мне подняться и вывел меня из квартиры. Все остальное происходило словно во сне. Закрыв входную дверь, я отдала ключи парню со сломанным носом, на ватных ногах спустилась по лестнице и села в чужую машину. Один из мужчин сел рядом со мной и завязал мне глаза черной повязкой.

– Извини, но так надо. – Я услышала голос сидящего напротив меня Влада и подумала о том, что если мне закрыли глаза, значит, они не хотят, чтобы я запомнила дорогу, куда меня повезут. Получается, у меня еще есть шанс выжить. Мне казалось, что мы ехали слишком долго и чересчур утомительно. Когда машина остановилась, мне помогли из нее выйти и повели за руку в неизвестном направлении. Именно в этот момент мне стало по-настоящему страшно. Мне вдруг показалось, что меня ведут убивать.

– Можно развязать повязку? – спросила я дрожащим голосом и вцепилась в руку мужчины.

– Нет.

– Почему?

– Не положено.

– А Влад где? – не знаю почему, но мне казалось, что Влад является хоть каким-то гарантом сохранности моей жизни.

– Уехал.

– Куда?

– По делам.

– А как же я?

– Иди и не задавай лишних вопросов.

– И все же я задам лишний вопрос. Вы ведете меня для того, чтобы убить?

– Я же сказал тебе не задавать лишних вопросов.

Услышав, что открылась какая-то дверь, я слегка успокоилась и поняла, что меня завели в дом. Когда открылась еще одна дверь и меня втолкнули в комнату, я затаила дыхание и встала как вкопанная. Мужчина снял с меня повязку и со словами:

– Желаю приятно провести время, – вышел и закрыл за собой дверь.

На стуле, в углу комнаты, сидел избитый Жан и смотрел на меня потерянным взглядом.

– Господи, Жан! Любимый!

Я бросилась к нему на шею, но он как-то отчужденно оттолкнул меня от себя и не произнес ни единого слова.

ГЛАВА 7

– Жан, тебе плохо? Жан, скажи, пожалуйста, тебе плохо? Тебя сильно избили?!

Жан словно очнулся от забытья и процедил сквозь зубы:

– Мне хорошо. Я и представить себе не мог, что мне будет так хорошо. Тома, почему ты сразу не предупредила меня, что у тебя такие дружки? Если бы я знал, я бы никуда не поехал.

– Господи, Жан, о чем ты говоришь? Какие дружки? Я не знаю этих людей. Я ни в чем не виновата и пострадала точно так же, как и ты.

Я сделала еще одну попытку обнять любимого человека, но Жан не позволил мне это сделать и оттолкнул меня с удвоенной силой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.